

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕГОР ЧЕКРЫГИН
СТРАННЫЙ ПРЯТЕЛЬ.
ТАЙНСТВЕННЫЙ АМУЛЕТ

Егор Дмитриевич Чекрыгин
Странный приятель. Таинственный Амулет
Серия «Странный приятель», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8740927

Странный приятель. Таинственный Амулет: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1869-5

Аннотация

Морская битва, не имеющая аналога в истории войн, должна решить многолетний спор между двумя государствами. Козырь одной из сторон – сильный флот и опытные моряки, козырь другой – принесенные извне технологии. Но, каков бы ни был исход этого сражения, он поставит точку в долгой войне, после чего наступит мир.

Этот мир развязывает руки старым приятелям, позволяя им заняться поисками сокровищ. И самого главного из них – пропавшего тысячелетия назад загадочного и таинственного Амулета, открывающего дорогу в иные миры.

Но, найдя ключ к дверям, ведущим в неизвестность, хватит ли у друзей решимости им воспользоваться? На этот вопрос у них пока еще нет ответа...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Егор Чекрыгин

Странный приятель. Таинственный Амулет

Часть первая

Глава 1

Флот горел.

Горело несколько флотов.

На огромном пространстве, от горизонта до горизонта, пылали корабли, разбитые залпами пушек, соединенные друг с другом абордажными крючьями.

Корабли горели, взрывались или, сумев отцепиться и поднять паруса на уцелевшем обломке мачты, из последних сил подбирались к очередному врагу, чтобы вгрызться в его глотку уже почти беззубыми челюстями, смыть вкус пороха в горле горячей вражеской кровью и поставить еще одну точку в этом свирепом противостоянии.

Битва уже достигла такого накала и была столь яростной и бескомпромиссной, что ее участники, обезумев и полностью презрев страх гибели, готовы были взрывать собственные корабли, если им казалось, что противник начинает одерживать верх.

Потому что слишком многое было поставлено сегодня на карту. Сегодня решался вопрос, кто будет владеть проливом в Срединное море, а значит, владеть всем миром.

Ренки повесил шпагу на специально вбитые корабельным плотником крючки на стене и, отступив на несколько шагов, с необычайно довольным видом любовался экспозицией.

По краям – мушкеты и пистолеты, изготовленные в лучших мастерских мира. Но это ни в коем разе не декоративное оружие, а очень даже боевое, ибо высокая цена платилась не за драгоценную отделку, но за качество. Закрепленные в специальных держателях мушкеты и пистолеты можно было в любую секунду снять со стены, зарядить и использовать по прямому назначению. Хоть сейчас готовы были выполнять свою боевую роль и абордажные протазаны, топоры и пики, тоже служащие украшением каюты. Капитанской каюты. *Личной капитанской каюты* капитана оу Ренки Дарээка!

В центре этой экспозиции красовался единственный трофей, повешенный здесь, можно сказать, ради похвальбы, – шпага контр-адмирала кредонского флота оу Раавинга. Впрочем, и она была не только почетным напоминанием о доблести и удаче благородного оу Ренки Дарээка, но и предостережением от опасности недооценки врага. Несмотря на не слишком-то героическую внешность, адмирал оказался настоящим воином, и только молодость и толика удачи спасли самого Ренки, его друзей, команду, да и весь корабль от гибели в огненном цветке, распутившемся от взрыва крүйт-камеры. Контр-адмиралу почти удалось погубить врагов-тооредаанцев, и лишь по чистой случайности его план не сработал.

Вообще-то обычно благородный оу Ренки Дарээка был не слишком-то склонен задумываться о превратностях судьбы, давно научившись принимать как удары, так и подарки, преподносимые жизнью, со смирением воина, знающего, что подчас все твое мастерство, сила и решительность – ничто по сравнению с капризами распутной девки-удачи. Но были некоторые моменты в его жизни...

Вот взять хотя бы того же оу Раавинга. Доля секунды стала непреодолимым горным хребтом между его триумфом и позорным поражением. Если бы Ренки задержался с прыжком и чуть менее верно направил удар шпаги или если бы выпущенная адмиралом пуля не ушла в потолок, не стать бы ему, благородному оу Дарээка, владельцем и капитаном великолепного фрегата «Счастливый», некогда ходившего под кредонским флагом и носившего имя «Беспощадный».

А если бы не тот удар кинжалом, прервавший жизнь одного не слишком благородного офицера и круто изменивший судьбу молодого романтического сопляка оу Ренки Дарээка, решившего ответить на оскорбление, кто знает, как бы сложилась его последующая жизнь? Сопутствовала бы ему удача или нет, в любом случае жизнь его была бы совершенно другой, и сейчас Ренки было даже страшно подумать о подобном отклонении своего пути.

Да, суд, каторга – это было ужасно! До сих пор Ренки иногда просыпался в холодном поту, все еще ощущая на руках и ногах ржавую тяжесть кандалов и слыша свист кнута надзирателя за спиной.

Но там же, на каторге, он встретил верных друзей, с которыми вместе идет по жизни уже многие годы и благодаря которым ему удалось сделать весьма неплохую карьеру! Мало кто в истории королевства Тооредан, а может быть, и в истории вообще, мог похвастаться таким количеством наград, как их знаменитая *банда*.

И конечно, первым среди друзей был благородный оу Готор Готор (или Сергей Говоров, как называли его в мире, откуда он прибыл в мир Ренки). Сам оу Готор считал, что его появление здесь связано с неким таинственным Амулетом, которым тысячи лет назад владел другой пришелец из его мира, вошедший в легенды под именем Манаун'дак, что на одном из языков древности означало «взрослый ребенок».

Поисками этого Амулета и занимались друзья в свободное от сражений и забот по управлению своими феодальными уделами время. Увы, но война с Кредонской республикой, заявляющей свои права на владение чуть ли не всем миром, забирала слишком много сил и времени и требовала от тоореданцев огромных человеческих жертв.

Хотя если бы не она, едва ли приятелям удалось бы выбраться с каторги, подняться от бесправных узников до военных вождей берега и войти в ближний круг доверенных лиц самого короля!

А взять тот же «Счастливый». Даже не жадность, а восхищение видом прекрасного корабля помешало тогда людям оу Готора и оу Дарээка сжечь этот фрегат, чтобы тот не достался врагу. Они отвели корабль в укромное место и выбросили на мель в надежде, что рыскающие в поисках врагов кредонцы его не отыщут.

Спустя полгода, несмотря на множество пережитых приключений, военные вожди берега успели вернуться за своей добычей до сезона ураганов, залатать разбитый ядрами корпус и, починив такелаж, отвести корабль в Фааркоон – свою, можно сказать, столицу.

Потом Ренки поднатужился, раскошелился и выкупил «Беспощадного» в личную собственность. Пришлось еще немного потрясти мощной и выложить денежки на более тщательный ремонт, оснащение и даже переделку рангоута, благодаря чему фрегат стал гораздо быстрееходнее.

И вот теперь Ренки – полноправный капитан собственного военного корабля! Как настоящий военный вождь берега. Немного защитник, немного пират, но в любой из этих ипостасей – верный слуга короля. О чем еще можно мечтать?

Разве что о еще больших подвигах и славе? Но именно за ними он и собирается отправиться в самое ближайшее время. Ведь всего-то месяц назад всесильный верховный жрец, старший цензор Тайной службы и военный министр в одном лице – благороднейший Ришлее – в очередной раз вызвал их с Готором в столицу королевства Тооредан, славный город Западная Мооскаа.

Красная гвоздика в петлице – это замечательно! Это придает особый вес ее владельцу в глазах всякого, кто понимает. Но... Подбирать наряд для выхода в свет – и так истинная морока для воина, который в оружии и подвигах на поле брани разбирается куда лучше, чем в тряпках и украшениях. А одеваться, подбирая всю свою одежду под эту сравнительно небольшую брошку, сияющую гранатово-красной эмалью, – и того сложнее.

И хотя над владельцем подобного «украшения» никто смеяться не станет, ибо это знак вхождения в ближний круг короля, тем не менее пренебрегать модой и светскими условностями неразумно. Светское общество может быть куда более жестоким и коварным, чем самые свирепые кредонские солдаты, разбойники и кровные враги, в достаточно большом количестве охотящиеся за благородным оу Ренки Дарээка и его немногочисленными друзьями.

Так что Ренки с Готором, собираясь во дворец, выбирали наряды очень тщательно, а перед выходом, встретившись в холле своего столичного дома, внимательно и скептически оглядели друг друга.

– Нормально, – махнул рукой Готор. – Немного тускловато. Но вроде особо серьезных ошибок не видно.

– Ты тоже в порядке, – буркнул Ренки, во-первых уставший наряжаться, а во-вторых, слегка огорченный определением «тускловато». – Как думаешь, зачем нас вызвали? И почему в Большой дворец?

– Даже отдаленно не представляю, – развел руками Готор. – Вроде грехов за нами никаких не числится. Если бы дело касалось Тайной службы или поисков Амулета, нас бы вызвали в Малый дворец, к Риишлее. По поводу финансов я, скорее всего, получил бы приглашение от герцога Моорееко. Может, это как-то связано... – Готор многозначительно постучал по гвоздике в своей петлице. – В общем, гадать бессмысленно, – продолжил он с наигранной беззаботностью. – Полагаю, через час-другой мы и так все узнаем.

Чем дальше – тем страннее. По прибытии во дворец встретившие их личные слуги короля провели друзей не в особые королевские покои, где уже неоднократно заседал «совет заговорщиков» – людей, осведомленных об иномирном происхождении оу Готора Готора и желающих использовать его знания на благо Тооредана, – а в некий кабинет для официальных заседаний, обычно пустовавший, ибо его величество Йоодоосик Третий предпочитал вершить дела королевства либо в куда более приватной обстановке, либо на паркетах королевских приемов.

– Хм... Посмотри – адмирал оу Ниидшаа, – не удержавшись, ткнул Ренки локтем своего приятеля, заметив форму морского офицера.

– И генерал оу Дезгоот, – улыбнувшись, показал на противоположный угол Готор. – Прямо даже не знаю, к кому из них бежать первому, чтобы поздороваться.

– Конечно к Риишлее! – возмутился подобным незнанием этикета Ренки. – Он же тут пока самый старший.

Друзья направились к всесильному верховному жрецу и своему главному патрону, преследуя при этом тайную надежду узнать цель данного собрания. Но тот хоть и ответил весьма тепло и любезно на их приветствия, однако предпочел сохранить тайну.

Столь же любезный и теплый прием они получили и у оу Ниидшаа с оу Дезгоотом – когда-то друзья вместе с генералом и адмиралом участвовали в знаменитом рейде на Тинд. А генерал так и вовсе когда-то был их полковым командиром, с которым они вместе не раз смотрели в глаза смерти, но успешно выбирались из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций. Увы, но даже оу Дезгоот ничего не знал, а адмирал, возможно, о чем-то и догадывался, но, как человек благоразумный, предпочел оставить эти догадки при себе.

Но вот разговоры затихли, а приглашенные торжественно выстроились вдоль стен. Двери в покои короля открылись, и его величество вошел в зал с небывалой торжественностью, которую он обычно демонстрировал только в официальной обстановке.

Вошел, сел во главе стола в кресло, больше напоминающее трон, и сделал знак присутствующим занять свои места.

Началась небольшая суета и даже толкотня. Как обычно, места занимались согласно титулу, рангу и положению при дворе, а это подчас становилось задачей, способной завести в тупик даже университетского профессора математики. Как сопоставить придворные, гражданские и военные чины с древностью родов, заслуженными титулами и благосклонностью короля на текущий момент? С одной стороны, нужно не показать себя выскочкой, ибо можно опозориться, если вдруг его величество прикажет пересесть подальше от себя (подобные случаи бывали), а с другой – не умалить собственные достоинства, заняв неподобающее своему рангу место.

Кажется, только Готор, не стал мучиться решением столь непростых вопросов, а просто сел рядом с адмиралом оу Ниидшаа и генералом оу Дезгоотом, потому что находился и с тем и с другим в очень хороших отношениях. Ренки, лишний раз подсадив на нелегкую науку быть придворным, подумав, согласился с этим выбором. Гвоздики в петлице давали им определенные привилегии, но в то же время, пропуская достойнейших полководцев вперед, они демонстрировали им уважение как своим бывшим командирам.

– Судари, – раздался негромкий голос короля, и всяческие шепотки и ерзанье на стульях мгновенно затихли. – Я собрал тут вас, самых верных моих слуг, дабы сообщить о своих планах. Приступайте, Риишлее.

– Итак, судари. – Голос военного министра был несколько громче королевского, но и к нему приходилось внимательно прислушиваться, дабы ничего не упустить. – Как вы знаете, в противостоянии с Кредонской республикой мы зашли в тупик. Мы сдерживаем врага, но сил наступать у нас нет. И уж тем более о том, чтобы вернуть наши законные владения, в создавшейся ситуации и речи быть не может. Возможно, стоило бы этим удовлетвориться – не захватили же нас в конце-то концов. Но казна королевства оскудевает, торговля и ремесла чахнут, а страна слабеет. Как ни грустно это признавать, у Кредона есть куда больший запас прочности, так что в конечном итоге победа может остаться за ним. Дабы не допустить этого, нам необходимо нанести удар. Один сильный и точный удар, который сможет переломить ситуацию в нашу пользу и заставит Кредонскую республику поумерить свой пыл. И этот удар мы нанесем на море! Да, судари, не удивляйтесь, именно на море. Там, где республика опасается нас меньше всего, полагаясь на свой самый сильный на всем океане флот. Нет-нет, друзья мои, у меня не случился приступ безумия. Все достаточно просто. Пока у них есть флот, любые поражения, которые мы сможем нанести вражеской армии на суше, кредонцы компенсируют за счет своих заморских владений, а главное – крайне доходной торговли. И пусть наши доблестные корсары, – Риишлее позволил себе улыбку в сторону военных вождей берега, – уже немало сделали, чтобы подорвать эту торговлю, только решительная победа заставит кредонцев умерить свою жадность и заговорить о мире. А теперь пусть благородный оу Ниидшаа, наш наиболее умелый адмирал, расскажет, каким именно образом мы будем сражаться с неприятелем на море.

Раздался стук в дверь, и в каюту, услышав: «Войдите», – ввалился Готор.

– Хе-хе... Обустройстваешь гнездышко? – поинтересовался он, разглядывая стену.

– Ну, это чтобы оружие всегда было под рукой, – чуть стесняясь, сказал Ренки, ожидая очередных подколов от приятеля. Так уже было, когда он взялся украшать свое жилище в поместье согласно собственным вкусам и представлениям о прекрасном. То есть привычно развесил по стенам много всякого стреляющего, режущего и колющего.

В качестве альтернативы Готор предложил другу украсить стены картинами, но был явно не понят. Нет, Ренки, конечно, ценил красивую гравюру в книжке, да и в его городском доме картины имелись – остались от прежнего хозяина. Он даже, следуя придворной моде, поддерживал разных там поэтов и художников, хотя душа его куда более была расположена к простым радостям вроде площадных пьес и баллад бродячих сказителей. Но в своем собственном доме он хотел обустроить все согласно своим собственным вкусам. Как и в каюте своего собственного корабля.

– Если хочешь, чтобы оружие всегда было под рукой, – усмехнулся Готор, развалившись на диване, – держи его в оружейном шкафу, а не на стенке. А то пока снимешь его со всех этих крючков, тебя уже десять раз на бордаж успеют взять!

– Не успеют, – недовольно буркнул Ренки. И добавил, торопясь перевести разговор на другую тему: – Так как ты думаешь дальше-то действовать, когда придем на Литругу?

– Хороший вопрос, – становясь серьезным, ответил Готор. – Наш благороднейший и многомудрый Риишлее в своих планах, кажется, немного переоценил степень нашего влияния на пиратов или просто очень нам доверяет. А ведь непосредственно под нашим командованием находится не более чем дюжина кораблей, да еще на десяток-другой капитанов, полагаю, мы имеем достаточно сильное влияние, чтобы уговорить их поучаствовать в подобной аванюре.

– Это не... – начал было Ренки, но Готор прервал его:

– Я-то знаю, что это не аванюра. Но мы ведь не можем раскрывать все планы Риишлее банде пиратов? Помнишь, что ты сам говорил о шпионах, которые могут затесаться среди понаехавших на остров искателей приключений?

– И как же мы будем уговаривать пиратов напасть на военный флот Кредонской республики?

– Что бы там ни говорили разные романтики, а рискнуть жизнью пират готов только за очень большой куш. Боюсь, мой дорогой друг Ренки, нам опять придется много-много врать. Вот только убей меня, а в голову не приходит, что бы можно было им предложить настолько вкусного. М-да, нет тут у вас своей Картахены или чего-то подобного.

– Картахены? – переспросил Ренки.

– Город в моем мире, – пояснил Готор. – Находился на еще довольно диком и неосвоенном материке, но туда свозилось все добытое в окрестностях золото и серебро, переправляемое в Старый Свет, это... Короче, думаю, ты понял. Так что неудивительно, что Картахена всегда была лакомым кусочком для пиратов всех видов и мастей, начиная с простых морских бродяг и заканчивая теми, кто грабил от имени государства с адмиральскими погонами на плечах.

– А может, предложить им ограбить Старую Мооскаа, Валкалаву или Фесткию?

– С таким же успехом мы можем предложить им прямо напасть на кредонский флот. Мол, корабли там богатые, одних пушек на каждом – от сорока до восьмидесяти. Это ж скока меди да бронзы! А еще ядра, порох, мушкеты всякие, пики, сабли... Продадим – до конца жизни хватит. Нет, связываться с государствами, их регулярными армиями и флотами наши пройдохи не станут даже ради очень большого куша. Мозги у них, может, малость и отбитые, но не настолько.

– Так что будем делать? – спросил Ренки. Еще пару лет назад эта ситуация привела бы его в полное отчаяние, но сейчас его вопрос звучал вполне по-деловому. – Может, уговорим фааркоонских купцов поучаствовать? Многие из них нам очень даже обязаны!

Первый опыт обмена пленниками, захваченными в результате корсарских рейдов, был более чем удачным. Если в чем на кредонцев и можно было положиться, так это в том, что ради своей выгоды они обойдут любые законы и согласятся на самые безумные сделки.

Торговать пленными было выгодно. И если республика запретила делать это напрямую, грех не воспользоваться обходными путями. Например, обменять пленных тоореданцев на пленных кредонцев и потом уже взять выкуп с собственных сограждан. Кредонские корсары с литругскими коллегами делают свой маленький бизнес и просят посторонних в него не вмешиваться!

Когда первый из кораблей с возвращенными пленниками прибыл в Фааркоон, Готор и Ренки были в столице, так что оценить эффект от этой своей затеи не могли. Но по тому, как встречали по возвращении военных вождей берега, можно было сделать определенные выводы.

Хотя какие там, к демонам, выводы? Вернуться с кредонской каторги – это все равно что прийти назад из-за Кромки. Семьи давно уже оплакали потерянных отцов и мужей, отнесли поминальные свитки в храмы и принесли жертвы.

Среди полутора сотен человек, что удалось вернуть в тот, первый раз, больше половины были именно из Фааркоона (одно из условий сделки). Город ликовал и превозносил тех благодетелей, которые сделали это возможным. Так что Готора и Ренки встречали тогда почти как богов, сотворивших истинное чудо. Им охотно прощали все старые обиды и даже, авансом, будущее. Кажется, даже после рейда на Тинд город не прославлял своих властителей столь громко и не праздновал их возвращение столь пышно. И это окупало все финансовые затраты и компенсировало потраченное время и нервы.

С тех пор состоялось еще два таких же обмена, пусть и с меньшим количеством спасенных (у литругских пиратов не было столько пленных), и каждый раз радости горожан, вновь обретших своих, казалось бы, бесследно пропавших и уже оплаканных родных, не было предела.

Но купцы Фааркоона были обязаны военным вождям берега не только этим. И дело не в упорядоченной системе налогов и законов (до сих пор среди фааркоонцев было немало противников этих новшеств), а в той выгоде, которую купцы извлекали из эксклюзивной торговли с пиратским островом Литруга. Ведь именно сюда в конечном итоге и попадала львиная доля награбленной добычи. И если бы еще не дурацкие условия, которые поставили вожди...

– Уважаемые, напоминаю вам, – насмешливо глядя на собравшихся, заметил однажды Готор наиболее богатым купцам города, недовольным сложившейся ситуацией. – Мы даем вам допуск к выгодной торговле, а взамен настаиваем, чтобы половину своих доходов вы потратили на строительство мануфактур. И можете оставить претензии и разговоры о справедливости при себе. Никого заставлять я не намерен, кому не нравится – может встать и уйти прямо сейчас! Нет таких? Тогда продолжим.

– Но... – внезапно набрался смелости один из купцов средней руки. – Я вот, к примеру, всегда занимался морской торговлей и в этих ваших тканях или кузнечном деле ничего не смыслю. Ну, то есть, как все это делать не смыслю, в самих-то товарах, конечно, разбираюсь. Так что же это получается? Коли возьмусь я мануфактуру ставить – все деньги впустую просажу, и выгоды от того ни вам, ни мне не будет! Может, лучше какой-нибудь дополнительный налог введете, процентов этак пять?

– Да вы, никак, меня подкупить решили, милейший? – даже рассмеялся в ответ Готор. – Это настолько смешно, что я даже наказывать вас за это не стану... на первый раз. А что касается «не знаю, не умею»... Благородный оу Ренки Дарээка, не напомните ли мне главное правило морского офицера?

– Всю жизнь учиться.

Как обычно, на подобных собраниях Ренки скучал, а болтливость купечества его изрядно раздражала. Благородный оу Дарээка сейчас с куда большим удовольствием отправился бы на инспекцию их полка либо провел бы несколько часов в фехтовальном зале, но

у феодала наравне с привилегиями были и обязанности. В данном случае – сидеть и делать вид, что уговаривать купцов стать еще богаче тебе страшно интересно и нет никакого желания вбить правильные идеи в их головы тяжелой капральской палкой. Так что голос, которым он произнес эту банальную истину, звучал настолько зловеще, что мурашки невольно побежали по спинам присутствующих. Репутация благородного оу Ренки Дарээка была весьма суровой. По городу активно ходили слухи, что если с оу Готором, который тоже далеко не подарок, а иногда так и вовсе сущий демон из преисподней, еще можно как-то договориться, то оу Дарээка чуть что – сразу хватается за свою знаменитую шпагу. И хотя Ренки за многие годы пребывания в Фааркооне никого тут не убил (из честных жителей), его откровенно побаивались.

– Видите, уважаемые, – немного хищно улыбнулся купцам Готор. – Даже благородные оу готовы всю жизнь чему-то учиться. А вы изволите зевать да почесываться, мечтая, чтобы все шло «как в старину». Не знаете – учитесь! Не умеете – наймите того, кто умеет! Благо Фааркоон имеет под боком целый университет, где учат и учатся весьма незаурядные умы. Список мануфактур, которые мы желали бы видеть в своих владениях, уже вывешен в ратуше. Нами намечены места размещения и подсчитана примерная стоимость построек. Так что половина работы за вас уже сделана. Ждем от вас нижайших просьб на разрешение создать мануфактуру, иначе путь на Литругу будет для вас закрыт. И не надо строить такие обиженные рожи. Через пару годочков сами будете меня благодарить, что заставил вас взяться за это дело. Ну, конечно, кроме тех дураков, которые откроют предприятия только для того, чтобы «от них отвязались». Эти потратят свои деньги впустую.

Да, что ни говори, а фааркоонские купцы были немало обязаны своим вождам. Пусть половина доходов торговцев и уходила, как им казалось, на непонятные дела, однако и того, что оставалось, было более чем достаточно, чтобы снарядить еще дюжину-другую кораблей пиратского флота. Только вот смысл игры был в том, чтобы заставить напасть на кредонский флот именно литругцев и тех, кто прикрывается их флагами.

– Должны-то должны... – рассеянно сказал Готор. – Но не настолько, чтобы воевать с целым Кредоном. Для этого существуют благородные офицеры и нищие солдаты. А дело купцов – добывать деньги для войн, а не самим лезть под пули. Ну да ладно, что-нибудь придумаем, мысли по этому поводу у меня есть. А я, собственно, зашел к тебе сказать, чтобы ты с батареей палубы шесть пушек снял, желательно по центру корабля. На другие орудия заменим.

– Это твои новинки? – поинтересовался Ренки без особого энтузиазма. Нет, он верил в Готора и его знания, но фрегат уже и так был прекрасно укомплектован, и вводить какие-то новшества в последний момент не хотелось.

– Да, – кивнул Готор. – Понадобятся особые боеприпасы и люди, умеющие с этими боеприпасами обращаться. Так что расчисти место в крюйт-камере. Да и в команде придется произвести некоторые замены.

– А может...

– Не может, – категорично покачал головой Готор. – По сравнению с обычными пушками эти – как вон тот егерский мушкет по сравнению с самострелом акчскаа. Конечно, не хочу сказать, что из-за шести орудий «убойность» твоего залпа сравняется с залпом линейного корабля, но при определенной удаче ты сможешь и линейному зубы показать.

– А по поводу экипажей?

– Это будут пушкары из нашего полка, – успокоил Готор Ренки. – Причем самые толковые, я сам их подбирал и обучал. Не кисни. Пока такие пушки только на новых кораблях Королевского флота стоят. Я и эти-то еле-еле у нашего адмирала выпросил. Так что это еще и очень почетно – вести в бой корабль с таким вооружением.

– Ладно, – все так же без особого воодушевления согласился Ренки. Он был не против новинок, просто предпочитал сначала самолично пощупать – потрогать – испытать и только потом принимать решение. И если бы нечто подобное предложил ему кто-нибудь другой, скорее всего, он бы категорически отказался. Но Готор был не только другом, но и *вождем*, главой их *банды*, так что воспитание Ренки требовало безоговорочного подчинения.

Еще примерно час друзья обсуждали разные детали организации предстоящей экспедиции. В основном всякую банальщину вроде сухарей, крупы, солонины, живых кур и свиной да прочего провианта. И еще десятки, а то и сотни подобных мелочей, без которых дальнейшее плавание даже при наличии самого красивого корабля и самых белых парусов окончится трагично либо вообще не начнется.

– Кстати, – уже закончив с делами и собираясь уходить, напомнил Готор, – ты не забыл, мы сегодня ужинаем у Одивии.

– Помню, – поморщившись, ответил на это Ренки.

Одивия Ваксай – очень странная, если не сказать больше, девушка. Ренки познакомился с ней еще будучи простым сержантом, когда подрабатывал учителем фехтования.

Девушка, возжелавшая учиться фехтованию! Поначалу это казалось Ренки чем-то почти неприличным. Или, скорее, невозможным и диким. Тем более что девушка сия была даже не из благородных, а простого купеческого звания.

Спустя пару лет Одивия Ваксай ошарашила своими странностями не только благородного оу Ренки Дарээка, но и всех почтенных купцов Фааркоона, когда после гибели отца начала самостоятельно вести дела Торгового дома Ваксай, причем не без успеха.

Потом девушка сия стала небесполезна и для королевства, ибо многие задумки, благодаря которым Готор умудрялся вырывать победу прямо из лап врага, реализовывались на принадлежащих ей верфях и не без ее помощи и подсказок. Так что имя Ваксай стало звучать и в самых высоких кругах Тооредаана.

А если еще и учитывать их прошлогодние приключения (кстати, тогда выяснилось, что род Ваксай – довольно древний и хорошо известен в Валкалаве, откуда семья девушки была вынуждена бежать) и ту неоценимую помощь, что оказала им Одивия в поисках Священных Реликвий Старой Империи, то неудивительно было слышать, что Готор называет владелицу Дома Ваксай их ближайшим союзником и другом. И Ренки тоже искренне считал ее таковой. Но вот... Несмотря на уважение, расположение и дружбу, которые оу Ренки Дарээка питал к сей особе, она его частенько невыносимо раздражала.

Да еще и все эти разговорчики и вопросыки... Почему-то все вдруг вообразили, что между ним и этой девицей есть какие-то любовные отношения! И если бы это ограничивалось лукавыми взглядами да шепотками за спиной... Все эти наветы серьезно портили Ренки жизнь, причем не столько в Фааркооне, сколько в столице! В первый же день их последнего визита в Западную Мооскаа Ренки пришлось пережить как минимум два весьма неприятных разговора по этому поводу.

– Что ж, парень, – усмехнулась дама Тиира – одна из самых могущественных женщин королевства, ставшая наставницей и покровительницей оу Ренки Дарээка на основании весьма дальнего и сомнительного родства. – Вижу, что ты не скучаешь и весьма стараешься, исполняя свой долг перед королем. Это похвально. Хотя я могу попенять тебе, что свой долг ты стараешься исполнять там, где удобно тебе. Поле брани и корабельный мостик – это, конечно, очень хорошо. Но ведь ты еще и придворный, а на этом поприще, боюсь, ты не слишком преуспел. А ведь гвоздика в твоей петлице означает не столько привилегии, сколько обязанности. Махать шпагой да палить из пистолетов – замечательное занятие для простого оу. Но человек, входящий в ближний круг короля, должен вершить дела посерьезнее.

– Но, кажется, я... – начал было Ренки, уязвленный этими словами.

– Угу, – перебила его дама Тиира. – Ты был весьма неплох, помогая своему приятелю. Вполне может быть, что без тебя он не смог бы добиться тех успехов, которые вы продемонстрировали в прошлом году. Но... Друг мой, я верю, что ты способен на большее! Свою гвоздику ты пока получил скорее как защиту от многочисленных высокопоставленных врагов, которых нажил, служа королю. Но гвоздика в петлице – это уровень государственного человека, а не любителя помахать шпагой да пострелять из пистолета. Можешь считать, что досталась она тебе в качества аванса.

– И что я делаю не так? – холодно спросил Ренки, сумев сдержать гнев и раздражение.

– От двора бегаешь, – спокойно ответила ему дама Тиира. – От всей этой нашей грязи и интриг. Хочешь чистеньким остаться... Как на картинке – на капитанском мостике, в клубах дыма да со шпагой в руке, красота! Впрочем, ладно. Придворным надо или родиться, или очень-очень захотеть стать. Остается только сожалеть, что твоя семья утратила былое величие и ты рос не на дворцовых паркетах, а на армейском плацу. Видно, истинной страсти к придворной жизни от тебя ждать уже бессмысленно. И тем не менее ты уж изволь постараться. Заводи связи, изучай людей, их характер, слабости или силу. Вникай в суть интриг – кто с кем дружит, кто враждует, в чем причина вражды или дружбы. Все это тебе когда-нибудь обязательно понадобится. Понял?

– Да, – кивнул Ренки, едва сдерживаясь, чтобы не поморщиться, как от зубной боли. – Я постараюсь.

– Хм... Старательный какой, – столь же недовольно буркнула дама Тиира.

Из-за своей очень давней связи с королем она была лишена счастья материнства, ибо от кого бы ни родился ребенок (от короля, официального мужа, прозябающего ныне где-то в провинции, или случайно подвернувшегося любовника), его судьба была бы неизменно печальна – стать разменной монетой в жестоких играх дворцовых интриганов, а то и заговорщиков.

Она уже давно смирилась с этим и сумела правильно настроить свое сердце. Сколько бы юных миленьких мордашек ни мелькало в ее окружении, никто не смог взломать ворота сей крепости. Так что когда по долгу службы королю ей пришлось взять покровительство над неким юным, но выглядящим уже весьма потрепанным жизнью молодым провинциальным оу – неловким, нелепым и кажущимся каким-то абсолютно чужеродным на дворцовых паркетах, – она отнеслась к этому довольно спокойно. Уж с этой-то стороны ее надежно упрятым материнским чувствам точно ничего не грозило. Девятнадцатилетний оу Ренки Дарээка походил скорее на каторжника, матерого головореза, одетого в дорогой камзол, нежели на того, о ком хочется заботиться и кого приятно опекать и баловать.

Что ж, опытный фехтовальщик Ренки мог бы прочитать даме Тиире целую лекцию о том, как опасно недооценивать противника, если бы сам хоть немного был искушен в фехтовании чувствами. Спустя какое-то время великая и ужасная дама Тиира из рода оу Гии, первая дама двора была вынуждена признать, что, пожалуй, действительно принимает слишком близко к сердцу судьбу этого мальчишки, и смириться с этим. Но как почти всякий ребенок, Ренки отнюдь не радовал свою «родительницу», спеша воплотить в жизнь ее устремления и несбывшиеся надежды, по-прежнему воротя нос от двора.

– Кстати... – после небольшой паузы продолжила дама Тиира. – Я тут поинтересовалась состоянием дел в твоём поместье и вообще – богатствами. Не удивляйся так. Риишлее прислал мне подробный отчет – его люди надежно присматривают за вами. А я сумела привести довольно веский довод, чтобы запросить эти сведения. Какой? Потом узнаешь! Так вот, вижу, дела у тебя идут довольно хорошо. И поместье весьма немаленькое, и доходы впечатляют. Смущают разве что две вещи. Во-первых, кажется, вы с этим Готором действительно неразлучны, ведь даже ваши поместья фактически объединены в одно. Нет, я не вижу

в этом ничего плохого. Но вот других это может несколько удивить. Кого других? А сам что – не догадываешься? Во-вторых, в присланных мне отчетах на каждой странице мелькает имя этой твоей девицы, Одивии Ваксай. Ее там слишком много! Я, конечно, все понимаю: ты молод, а она, говорят, вполне миленькая особа. Развлекайся сколько влезет. Хотя с ней, хоть с белошвейками или даже девками из борделей. Но долговременная связь с этой купчихой тебя не красит.

– Нет у нас никакой связи! – еле сдерживаясь, чтобы не заорать, прошипел Ренки. – К тому же она не просто купчиха. Как выяснилось, их род весьма древний и в Валкалаве стоял весьма близко к трону.

– Я знаю, – отмахнулась дама Тиира. – Род Ваксай даже состоял в родстве с правящей династией Старой Империи. Потому-то тут у нас их и постарались задвинуть подальше – слишком много проблем они могли создать, оставаясь в числе благородных фамилий. Но все равно! Купчиха или благородная – она тебе не пара.

– Да я и не... – начал было Ренки. – И вообще, при чем тут...

– Как твоя старшая родственница, – прервала его дама Тиира, – я должна позаботиться о твоём браке. А это непростая задача – либо ты недостаточно хорош, либо невеста, либо этот брак не несет политической выгоды. Я пока раздумываю над подходящей кандидатурой, но в любом случае с этой девицей Ваксай ты отношения прерви.

Да, неприятный вышел разговор, какой-то жутко неловкий и несвоевременный.

Нет, Ренки уже давно не был тем романтичным юношей, которому сама мысль посетить бордель казалась грязной и недостойной. Хотя, конечно, он и сейчас не считал это особой доблестью и поводом для гордости, но жизнь солдата имеет свои особенности, ограничения и мимолетные радости. А с некоторых пор этот вопрос вообще перестал его особо беспокоить, ибо богатый феодал всегда может найти более чистый, пристойный и безопасный вариант, чем шлюхи. И в Фааркооне, и в поместье, и даже на Литруге у него уже были определенные... Впрочем, эта тема личная, и не стоит в нее слишком углубляться, во имя благопристойности.

Да и против женитьбы по уговору Ренки никаких особых возражений не имел. В конце концов, разве большинство браков в среде благородных не заключаются именно подобным образом? А романтика... Для романтики всегда в его сердце останется укромный уголок. И чем меньше реальности сможет в этот уголок пробраться, тем проще будет всем. Вон, по слухам, его прежний идеал прекрасной дамы, воплощенный в девице, которая досталась оу Лоику Заршаа в жены, мягко говоря, едва ли смог стать залогом счастливого брака. Поэтому сама идея жениться на ком-то, кого вовсе не знаешь, Ренки не пугала.

Так что же тогда так раздражало Ренки в словах дамы Тиеры? Во-первых, наверное, то, что женитьба сейчас была уж очень не к месту. На носу война, поиски сокровищ, во владениях – куча проблем, которые надо решать, а тут еще и женитьба! Вот, может, через пару-тройку лет... Сейчас отвлекаться на подобное жутко не хотелось.

А во-вторых, жизнь только-только более-менее наладилась, пришла в норму, и мысль включать в этот тонкий сбалансированный механизм кого-то нового откровенно пугала.

В раздумьях о своих проблемах Ренки покинул дворец дамы Тиеры и решил, коли все равно оказался рядом, посетить улицу Оружейников, издавна славящуюся своими лавками. Не то чтобы ему было нужно купить что-то конкретное... Так, просто хотелось ознакомиться с новинками. Ну а уж коли глаз зацепится за что-то интересное – деньги для того и созданы, чтобы тратить их на удовольствия. Особенно пока нет жены, имеющей свое мнение о том, как тебе жить, развлекаться и распоряжаться содержимым кошелька.

Привычное изучение и перебирание разнообразного стреляющего, колющего, рубящего и режущего оружия подействовало на Ренки, как и на большинство мужчин во все эпохи, успокаивающе и вернуло благостное расположение духа. После чего идея посетить кабак показалась весьма логичной и не менее вдохновляющей. Потому как пирожки, которыми угощали его в покоях дамы Тиеры, возможно, и представляли собой образцы изысканной кулинарии, но, когда ты молодой мужчина, чей рост позволяет смотреть сверху вниз даже на большинство остальных, считающихся высокими мужчин, а ширина плеч вполне соответствует росту, твой организм требует не столько изысканности, сколь обилия и сытности. Так что – в кабак! Куда-нибудь подальше от дворца и тамошних деликатесов, туда, где владельцы заведений знают, чем предпочитают набивать брюхо простые благородные оу, а не пытаются изумить зажавшихся дворцовых щеголей и их подруг.

Подходящее заведение нашлось довольно быстро. Благо, бывая в Западной Мооскаа, Ренки не упускал случая посетить улицу Оружейников и успел изучить окрестные кабаки. Он сел на потертую лавку за изрезанный кинжалами стол, сделал заказ и с удовольствием огляделся. Публика была самая подходящая. Больше половины – в мундирах разных полков, хотя желтый цвет Девятнадцатого Королевского превалировал в этой гамме. Но у благородного оу Ренки Дарээка никогда не было особых проблем с этими ребятами, скорее даже наоборот, ведь в своем первом сражении он стоял на одном поле боя вместе с «желтомундирниками», правда, тогда еще в роли каторжника. Впрочем, не было у него проблем и с представителями любых других полков. Зато знакомых и приятелей тут хватало. Многие из посетителей узнавали Ренки и приветствовали его уважительными кивками и добродушными улыбками.

Появившаяся в дверях компания в знакомых зелено-красных мундирах сразу привлекла его внимание уже совершенно по-особому. На несколько мгновений лицо Ренки озарилось радостью, на которую, впрочем, довольно быстро невольно набежала темная туча... Но, увы, в промежутке между этими двумя преображениями он уже успел подняться во весь рост и помахать рукой группке офицеров – судя по мундирам, своим бывшим однополчанам.

Что ж, его заметили. И после недолгого совещания вся компания направилась в сторону занятого им стола.

– Вот, судари, позвольте вам представить – тот самый легендарный оу Ренки Дарээка, о котором вы, вероятно, премного наслышаны. Сейчас, как вы видите, он в партикулярном платье, но, кажется, последний раз, когда мы встречались, благородный оу пребывал в чине первого лейтенанта. А сейчас... Э-э-э, в каком чине вы сейчас, сударь?

– И я очень рад тебя видеть, Лоик. Сейчас я что-то вроде полковника иррегулярных войск. Но какими судьбами вы тут? Разве Шестой Гренадерский сейчас не на севере?

– А это, изволите ли видеть, полковник оу Дарээка, трое выпускников Офицерского училища: оу Роогиир, оу Лоршаа и оу Фаасн, собираются пополнить славные ряды волонтеров Шестого Гренадерского в ожидании офицерской вакансии. А я приставлен к ним кем-то вроде няньки и, раз уж все равно оказался в столице, буду сопровождать их в полк.

– Очень приятно, – кивнул Ренки. – Не окажете ли, судари, честь отобедать со мной? Однако, Лоик, с чего это вдруг Шестому внезапно понадобилось такое пополнение? Разве вы вели бои и есть потери?

– Видите ли, полковник, офицеры Шестого Гренадерского имеют странную привычку куда-то пропадать, а потом всплывать в совершенно неожиданных местах в совершенно неожиданных должностях, по причине чего у нынешней молодежи стать офицером именно этого полка считается большой удачей. Вот эти трое, например, по слухам, – самые выдающиеся выпускники своего курса. Имея право выбора полка, они напросились именно в Шестой.

– Что ж, судари, я могу вас только поздравить как с успехами в учебе, так и со вступлением в ряды Шестого Гренадерского. Хм, Лоик... А почему так официально? Мне казалось, что мы друзья.

– Мне когда-то тоже так казалось, господин полковник...

Беседа не складывалась. Ренки, видя упорное нежелание своего старого приятеля переходить к дружескому общению, тоже сменил тон на официальный, начав именовать Лоика лейтенантом оу Заршаа. Расспросы о старых знакомых также завели в тупик. Мало того что Лоик отвечал односложно и холодно, так еще и выяснилось, что за это время в полку сменились почти все офицеры. И Ренки знал (вернее, догадывался), куда они исчезли. У генерала оу Дезгоота были большие планы по переустройству армии Тооредана, и слухи о неких новых частях уже не первый месяц обмусоливались во всех штабах и офицерских собраниях.

Была понятна и причина, почему оу Лоик Заршаа – некогда восторженный юнец, променявший весьма перспективную карьеру придворного или гвардейца на горький хлеб обычного армейского служаки, – не попал в число этих «ушедших офицеров». Некогда подвижный и бойкий, сейчас второй лейтенант обрюзг и потяжелел, а на его лице оставили след многочисленные попойки и загулы. И что бы там ни говорил Готор, он, Ренки, отчасти тоже был в этом виноват.

– Как дела у прекрасной Одивии?

Внезапный вопрос вывел Ренки из его задумчивого состояния, и он быстро взглянул на приятеля. Равнодушное лицо и попытка состроить скабрёзную гримасу не могли скрыть болезненного ожидания ответа, читавшегося во взгляде Лоика.

– Вполне успешно, – начал было Ренки, а потом, плюнув, на условности, выпалил: – И кстати, несмотря на слухи, между мной и ею ничего такого нет и никогда не было. Кроме, конечно, дружбы и взаимного уважения.

Голос его звучал напряженно и так искренне, что даже волонтеры, слушавшие не очень интересный им разговор вполуха, оторвались от своих тарелок и пристально уставились на Ренки.

Лоик тоже смотрел ему в лицо... А Ренки смотрел на Лоика, понимая, какие чувства сейчас ведут непримиримую битву в его душе: желание поверить и желание пестовать свою обиду, находя в ней хоть какое-то утешение и оправдание своим неудачам.

На долю мгновения показалось, что старая дружба и бывшее расположение берут верх, но...

– Я слышал другое, – ответил на это Лоик, зло посмотрев на Ренки.

Еще несколько лет назад на подобные слова и взгляд Ренки бы мог ответить только вызовом на дуэль. Но, видно, годы все-таки чему-то его научили. Он только тяжело вздохнул и начал расспрашивать юнцов об обучении в Офицерском училище, попасть куда он когда-то так искренне мечтал. Обед и настроение были безнадежно испорчены.

Глава 2

И вот наконец-то выход в море. Впереди – шторма и штили, бесконечная, сводящая с ума равнина воды, раскаленное солнце и яростный огонь вражеских орудий. Хотя куда больше неприятностей доставляет однообразная нездоровая пища, прогорклая вода и теснота палуб и кубриков. Но сердце всякого моряка и даже сухопутного жителя каждый раз начинает биться в нервном восторге, когда слышатся команды: «Поднять якоря», «Паруса ставить». Впереди – предвкушение чего-то нового, удивительного и необычного. Невиданных экзотических стран, небывалых приключений, таинственных загадок и невероятных встреч. Даже если порой весь морской переход в соседний городишко занимает не больше суток на неспешном, старом, провонявшем рыбой корыте, все равно выход в море – это одно из тех маленьких чудес, которые так преображают нашу жизнь и запоминаются навечно.

А уж если под твоими ногами – палуба одного из лучших фрегатов, флагмана эскадры из шести вымпелов, и твой путь лежит к далекому острову в южных морях, вот уже сотни лет известному как прибежище пиратов и авантюристов со всего мира... Тут уж и говорить нечего. Тем более когда ты не просто пассажир или даже матрос – ты *капитан*!

И ничего, что по закону ты еще не совсем настоящий капитан и тебе положено иметь в экипаже шкипера, который будет вести корабль к цели и «давать полезные советы» в особо непростой ситуации. Но и шкипер обязан слушаться твоих приказов, даже если понимает, что ты направляешь свой корабль напрямик в ледяные адские пустоши или в глотку морского змея.

Надо ли говорить, что Ренки сейчас был по-настоящему счастлив? Он еще не прожил и четверти века, а уже достиг столь многого – пехотный полковник (пусть и не совсем настоящей армии, которая, впрочем, в чем-то была даже лучше регулярной, ибо сейчас «настоящую» учили инструкторы, подготовленные в их с Готором полку), капитан на мостике собственного корабля, придворный, достигший таких высот, о которых иные могли бы только мечтать. И хотя во многом это были лишь подарки слепой удачи, но ведь и собственных усилий он, Ренки, приложил немало, успев за это время многое узнать и многому научиться. Например, как водить корабли от одного порта к другому.

– Как думаете, шкипер Лоон, – обратился он к высокому, немного сутулому мужчине средних лет, стоящему на противоположной стороне мостика, – не прибавить ли нам парусов? Корабль крепкий, полагаю, выдержит. Ветер довольно неплох, ровный, а судя по облакам, шквала ожидать не стоит.

– Мы-то вполне можем прибавить. Тока вот, боюсь, остальные за нами не угонятся, – слегка ворчливо доложил Лоон.

Шкипер Дииги Лоон Ренки не то чтобы не нравился или был неприятен, просто за то не слишком долгое время, что они общались, оу Дарээка понял, что человек этот, мягко говоря, не разделяет его устремлений и восторгов. Это была меланхолически-пессимистическая натура, всегда предпочитающая постоять рядом, не вмешиваясь в события. Однако на место шкипера его посоветовал нанять сам капитан оу Маб, отрекомендовав как прекрасного моряка, у которого есть чему поучиться, в том числе и осторожности. И Ренки принял его в свой экипаж, хотя сильно сомневался, что именно такой человек должен стоять рядом с ним на мостике, когда он поведет свой «Счастливый» в бой.

– И тем не менее, – ответил он шкиперу, – я полагаю, нужно испытать, чего стоит «Счастливый» после всех переделок. Благо сейчас мы будем идти близ своих берегов, где не стоит всерьез чего-то опасаться. Попробуем оторваться от эскадры примерно на версту, потом развернемся и пойдем назад галсами, посмотрим, насколько круто к ветру может бежать наш кораблик. Затем обрежем корму последнему кораблю в эскадре, опять развер-

немся по ветру, обгоним всех и займем свое место флагмана. Признаться, меня немного беспокоят эти новые пушки, что подсунул нам Готор в самый последний момент. Он не сказал, что они несколько тяжелее прежних. И вам не кажется, что нос «Счастливого» стоит немного приподнять? Не слишком ли он стал зарываться в волну?

Путешествие на Литругу заняло не так уж много времени. Ветер почти все время был попутным, а корабли бежали резво, ибо в этот раз военные вожди берега не стали обременять эскадру тяжелыми купеческими судами. «Счастливого» сопровождали лишь сделанные по особому проекту корабли, совмещающие в себе черты обычного купца и военного судна.

И вот он, знакомый остров. Пушки форта, контролирующие узкий проход в гавань, разразились грохотом холостых залпов, приветствуя военных вождей, за последние полтора года ставших фактическими владельцами Литруги. Незаметно, тихой сапой, но Готор и Ренки подгрести тут под себя практически все сколь-нибудь важные объекты.

В первую очередь, конечно, сам форт, наблюдающий не только за входом в гавань, но и за поселком на побережье. А батальон солдат, занимающих сейчас этот форт, был, наверное, самой большой военной силой на всем острове, к тому же хорошо обученной и вооруженной.

Вероятно, несчастные литругцы до сих пор чесали затылки, пытаясь понять, как это их так сумели обвести вокруг пальца. Почти неприступный остров, что многократно за свою историю отражал нападения больших флотов противника, а в случае поражения всегда заставлял врага платить немалую цену за победу, в этот раз был захвачен без единого выстрела, одурманенный сладкими речами хитроумного оу Готора Готора, который убедил литругцев собственными руками выстроить ему крепость и фактически пригласить в нее солдат полка вождей берега.

Но самое главное – это то, что Готор сумел подмять под себя поставки и торговлю. Только подчиненные ему фааркоонские купцы могли привозить сюда любые товары – от продовольствия до оружия и предметов роскоши. Взамен торговцы скупали у местных пиратов их добычу куда дешевле ее истинной цены.

Потому-то неудивительно, что прибытие сразу обоих вождей на острове отмечалось едва ли не как День коронации. На местную площадь-пляж были выкачены бочки с вином, вокруг них расставлены столы, забитые разнообразной закуской, и пиршество длилось почти сутки. За это время к «правителям» успели подойти, наверное, все сколько-нибудь значимые люди острова, в первую очередь – капитаны кораблей, дабы засвидетельствовать свое почтение. И столь же неудивительно, что за каждым движением, благожелательным кивком или нахмуренной бровью военных вождей берега внимательно наблюдали десятки весьма искушенных и опытных глаз.

С одними из гостей Готор был холодно-вежлив, с другими – приветливо-нейтрален, а кое-кого устаивал недолгой беседы. Но были и такие, которые после разговора с вождями уходили с просветлевшими лицами, будто бы окрыленные.

После того как пиршество закончилось, некоторые капитаны зачастили с визитами в дом вождей и даже обсуждали что-то с ними в кабаках, замолкая, едва на горизонте появлялся кто-то чужой. Через какое-то время терпение не посвященных в тайну литругцев лопнуло.

– Хм... Простите, судари, мое нахальство, – почтительно обратился к вождям капитан Дгай. – Но у меня сложилось ощущение, что вы задумали какое-то большое дело...

Готор с Ренки как раз сидели на веранде своего дома, удачно расположенного прямо под стенами форта под прикрытием его пушек, и, пережидая полуденную жару, обсуждали дворцовые интриги. На столике рядом с ними стояла бутылка легкого вина и пара бокалов и лежала какая-то, судя по виду, очень старая карта, которую при приближении капитана

Ренки несколько более поспешно, чем следовало бы, свернул и спрятал за отворот своего камзола. Оба вождя внимательно уставились на подошедшего Дгая.

Капитан за последние полтора года сильно изменился. Теперь в нем было не узнать того оборванца, который встретил их в первый день прибытия на остров. Он изрядно приоделся, да так, что, пожалуй, даже на улицах Западной Мооскаа мог бы выглядеть настоящим щеголем. В манерах его появилось больше уверенности, лицо округлилось и даже стало слегка лосниться от сытости. Но вот в глазах... Хотя он все еще оставался тем же дерзким пиратом и лидером острова, однако в глазах его появилось понимание, кто тут действительно главный, и оттого и тон его, и поза были сейчас даже несколько подобострастными.

– Вы совершенно верно поняли, любезный, – снисходительно кивнул ему Готор, едва сдержавшись, чтобы не подмигнуть Ренки.

– Однако, судари... Многие тут хотят знать, а нельзя ли и другим принять участие в вашей затее?

– Признаться, я не думаю, что вас это интересует, – бросил свою реплику Ренки. – Разве вам и так мало добычи?

– Да как сказать... – вежливо ухмыльнулся капитан Дгай. – Прежние жирные деньки, видать, уже в прошлом. Кредонец нынче стал пуганым и осторожным, ходит большими караванами. Да и военные корабли республики слишком часто стали появляться на морских дорогах. А суда других держав вы, судари, грабить запретили.

– Ну-ну, уважаемый Дгай, – строго глядя на капитана, шутливо пригрозил ему пальцем Готор. – Вы, кажется, забыли, что мы вообще не грабители, а славные каперы, ведущие непримиримую войну с жадными кредонскими убийцами и подлецами.

– Вот я и говорю, – невпопад ляпнул Дгай, – что добычи нынче стало мало, а добыччиков – много. И коли уж у вас есть какие-то идеи на этот счет, неплохо было бы поделиться ими с теми, кого вы сами же и втравили в морскую охоту. Иначе, боюсь, парней трудно будет удержать от нежелательных эксцессов.

– Ну, едва ли то, что мы затеяли, можно назвать морской охотой, – несколько фальшивя, заявил Готор. – Скорее уж – научная экспедиция.

– Вроде той, что вы устроили в прошлом году, когда, по слухам, вывезли целую кучу сокровищ Старой Империи прямо из-под носа мооскаавского сатрапа? – сразу насторожился Дгай.

– Можно сказать, что и так, – кивнул Готор. – Только ведь подобные предприятия, как правило, весьма рискованны, а вот стоящего результата никто гарантировать не может. Так что, полагаю, капитан Дгай, вам лучше вернуться к своему прежнему занятию. Думаю, в океане еще полно «жирной рыбки». И ее ловля – дело куда более надежное, чем наша охота на журавля в небе.

Потом Дгай, кажется, не слишком поверивший словам вождя берега, долго уговаривал взять его с собой, а Готор всячески отбрыкивался от этого предложения, напирая на опасность и ненадежность предприятия и даже суля весьма вероятную битву со всем кредонским флотом разом. А в ответ Дгай божился, что готов довериться удаче вождей и будет рад выполнить любой приказ, коли ему окажут такое высокое доверие.

Наконец вожди берега согласились включить Дгая, его корабль и экипаж в состав снаряжаемой экспедиции, но напоследок строго предупредили, чтобы он держал язык за зубами. Что он и поклялся сделать.

– Вообще-то Дгай – довольно надежный человек, – задумчиво глядя капитану вслед, сказал Ренки. – Он ведь может и сдержать слово...

– Он обязан сообщить своей команде о том, куда они идут и зачем, а также доложить обо всех возможных рисках. Таков пиратский закон, – усмехнувшись, ответил на это Готор. – Конечно, он и с них возьмет слово хранить молчание. Но они тут все из старожилов – кто-

нибудь обязательно растреплет семье, родственникам, приятелям. И шушок побежит. Но для подстраховки я велел купцам в ближайшие дни подавать в трактирах вино позабористей и забыть о том, чтобы разбавлять его водой. Так что готов держать пари: не пройдет и пары дней, как все на острове будут знать о нашей затее, да еще и наврут с три короба о реальных размерах сокровищ.

– Знаешь, Готор, – задумчиво сказал Ренки. – Я в общем-то не очень ценю и уважаю местную публику, но не кажется ли тебе, что мы поступаем с ними не слишком-то хорошо? Все-таки тот же Дгай неоднократно дрался с нами бок о бок на одной палубе...

– Я думал об этом, – кивнул Готор. – Но, во-первых, мы действительно предупредили их обо всех рисках, вплоть до драки с флотом Кредона. А во-вторых, ты, надеюсь, еще не раздумал искать Амулет?

– Конечно нет, – самую малость покривив душой, возмутился Ренки. – Но где его искать? Мне показалось, что после Старой Мооскаа все следы оборвались.

– Есть еще несколько ниточек, которые достались нам от нашего доброго приятеля Коваада Кааса. Конечно, они довольно сомнительные. Но все же, как ты помнишь, первая из них привела нас к Колоколу. Так что есть надежда найти что-то еще. Большинство из этих ниточек привязано к Срединному морю. Причем многие – к Южным Землям. Учитывая царящую на тех берегах обстановку и судя по опыту наших раскопок, научными поисками там лучше заниматься во главе немалой банды отпетых головорезов, нежели консилиума ученых мужей наподобие нашего почтеннейшего Йоорга.

– Ну... – невольно улыбнулся Ренки. – Почтеннейший Йоорг, помнится мне, тоже оказался тем еще пройдохой!

Готор оказался прав. Шила в мешке утаить не удалось, и уже спустя пару дней весь остров гудел, обсуждая предстоящую экспедицию. А на утро третьего дня к дому вождей подошла большая делегация и потребовала подробных разъяснений, включения всех желающих в состав экспедиции и справедливой дележки добычи.

– Едва ли теперь эта экспедиция вообще состоится, – цедя слова сквозь зубы, ответил им Готор. И пояснил, видя удивленные и возмущенные лица: – Думаю, вы и так все прекрасно знаете, что вход в Срединное море блокирует кредонская эскадра. У нас была единственная надежда – как-нибудь изловчиться и прорваться туда незаметно. Но теперь, после того как вы изволили растрезвонить о нашем предприятии на пол-океана, едва ли это получится. Или, может быть, вы желаете обогнуть Южные Земли с юга и войти в Срединное море с восточной стороны? Все ли ваши корабли выдержат такое путешествие? А сколько народу помрет за время этого перехода? И на что будут годиться выжившие? Кредонцам достаточно послать еще одну эскадру для блокировки Восточных проливов, чтобы все мы отправились «искать сокровища» на дне моря. Поэтому расходитесь по домам. Никакой экспедиции не будет.

Недовольные литругцы еще побурчали какое-то время, но, видя солдат на стенах форта и добродушно посматривающие на толпу жерла пушек, все-таки отправились восвояси. Хотя буза на этом не закончилась, тем более что и шевеление в стане Готора не прекратилось. Отобранные им капитаны продолжали подготавливать свои корабли к выходу в море, старательно игнорируя все вопросы и попытки обсудить их дальнейшие планы.

Подобное не осталось незамеченным «широкой общественностью». И чем больше думали пираты о загадочных сокровищах, тем больше в их воображении становились «обещанные» груды золота и драгоценных камней, зарытых где-то совсем недалеко. Всего-то на берегах хорошо знакомого Срединного моря, до которого при ясной погоде можно было доплыть за пару недель.

Эти груды золота жгли им глаза и души, мешали уснуть, делали вино кислым, а еду – пресной. Так что спустя какое-то время к дому вождей опять подошла делегация. На сей раз в составе ее были только капитаны.

– Судари, – повинно склонив голову, начал свою речь капитан Дгай. – Каюсь, я не смог сдержать данного вам обещания. Но сами ведь знаете, каковы обычаи среди тех, кто занимается непростым морским промыслом. Мы вместе воюем и вместе умираем. Так что, по нашим законам, хранить секреты от команды – это преступление. Потому-то я и был вынужден рассказать все своим людям, а те... Остров у нас маленький, стены хижин – тонкие, и утаить секреты невозможно. Я... Мы все осознаем свою вину. Но вот ни в жисть не поверю, что ничего теперя вообще нельзя сделать.

– А что вы предлагаете? – иронично приподняв бровь, спросил Готор. – Или решили подраться с целой кредонской эскадрой? Ну, допустим, сил на это у нас хватит. Если, конечно, навалимся всем пиратским флотом. Но вы ведь понимаете, что уцелеет, дай боги, половина? Что-то я раньше не замечал среди вашей братии особого героизма и страсти к самопожертвованию. Или кто-то из вас готов пустить свой корабль на дно, а сам – отправиться на виселицу ради того, чтобы другой набил трюм золотом?

– Ну... – усмехнулся Дгай. – Тут ведь такое дело... Пират пирату рознь...

– Не понял. На что вы намекаете? – удивленно спросил Ренки.

– Дык... – влез в разговор еще один пиратский капитан, отличающийся особенно длинными и сальными лохмами на голове. – Есть, допустим, природные литругцы, а есть всякая шелупонь пришлая. Можно ведь и... того!

– Допустим, мы даже на это и согласимся, – опять взял нить разговора в свои руки Готор, ибо Ренки изобразил на своей физиономии этакую смесь негодования и презрения, причем абсолютно искренне. – Но как вы представляете себе все это? Ядра, знаете ли, не разбирают, кто «природный», а кто «пришлый», всех без разбора в клочья рвут!

– А что уж тут представлять, – ухмыльнулся лохматый негодяй. – Одних отправим внимание отвлекать, а другие тем временем в Срединное-то и прошмыгнут. Главное – хорошо продумать, что врать будем, и держаться своих слов.

Конечно, предложение пиратов было отвергнуто с негодованием. Однако они продолжали настаивать, убеждать и даже угрожать. И в итоге на следующее утро по острову разнеслась весть, что экспедиция за сокровищами все-таки состоится.

Начались отчаянные сборы. И тут вдруг выяснилось, что продуктов, боеприпасов и даже просто досок и железа, чтобы заделывать возможные пробоины, на такое количество кораблей на Литруге найти невозможно. Цены взлетели, кое-где даже были отмечены жестокие схватки из-за мешков муки или бочонков пороха. Но в результате все равно литругцы были вынуждены послать несколько кораблей на материк за припасами. В общем, прошло больше месяца, прежде чем пиратский флот все же удосужился выйти в море.

– Надеюсь, – с усмешкой сказал Готор, глядя на сотни судов, выходящих из гавани Улитка и устремляющихся вслед за «Счастливым», – что если не кредонские, то хотя бы шпионы Риишлее успели сделать свое дело и наши противники уже прекрасно осведомлены обо всей этой затее.

– А мы не слишком торопимся? – осторожно уточнил Ренки.

– Посмотри, какие корабли у нас в караване, – покачав головой, ответил Готор. – Половина этих корыт не сможет развить и одной пятой скорости твоего фрегата. Я даже не уверен, что все они дойдут до Ворот. Так что мы вполне можем идти так медленно, как нам нужно, и ускориться, если и впрямь будем опаздывать к назначенной дате.

Древний пролив между двумя материками. Были времена, когда он был столь узок и мелок, что люди могли переходить его вместе со своим скотом, мигрируя из одной части света в другую, недаром на старых картах он был обозначен как путь Икаоитииоо.

Сейчас он стал намного глубже, но все равно не потерял своего значения как связующее звено между странами и континентами, между востоком и западом освоенных человечеством земель.

Неоднократно разные государства и народы бились за господство над этой наиважнейшей точкой мира, но пока еще никто надолго не смог завладеть Воротами, какой бы мощный флот он ни собирал и какие бы сильные армии ни ставил под ружье.

Вот и сейчас, кажется, настал один из тех роковых моментов, после которого дно пролива должны были усеять новые обломки десятков кораблей, а тысячи людских тел – стать пищей для рыб и морских гадов.

Сотни парусов растянулись чуть ли не до самого горизонта. Паруса эти украшали мачты и гордых современных кораблей, изготовленных на лучших верфях разных стран, и вполне обычных «рабочих лошадок моря» – тяжеловесных купеческих транспортов да рыболовецких шхун и шлюпов. А подчас нечто и вовсе несуразное, чему даже опытный моряк не смог бы дать точного названия, плелось в хвосте общей колонны, вообще неизвестно на что рассчитывая в предстоящем деле, – какие-то лодчонки с искусственно наращенными бортами и мачтами, склепанными из разного мусора, или безнадежно устаревшие посудины, помнящие едва ли не времена Старой Империи.

Прямые и косые паруса; одна, две, три мачты; узкие длинные корпуса и корпуса широкие и округлые, как у бочки; борта, поднимающиеся над морем на высоту двухэтажного дома или едва-едва выступающие над уровнем воды... Все, кто сумел дойти сюда от Литруги и кого обурежала жажда богатства, были готовы броситься в бой, схватившись хоть с самим морским царем.

Столь же неоднородным являлось и вооружение этого флота. Здесь были и здоровенные пушки, способные забросить тяжеленное ядро за версту или проломить толстый борт линейного корабля с дистанции пистолетного выстрела, и крохотные древние фальконеты, чья основная задача не столько сразить врага, сколько вселить уверенность и мужество в своих владельцев. Словно какая-то разношерстная коллекция безумного собирателя внезапно решила бежать от своего владельца и пуститься в свободное плавание.

Возможно, поджидай эту «коллекцию» у проливов всего лишь одна кредонская эскадра, у пиратского флота и были бы все шансы на победу. Говорят, стая пчел вполне может искушать до смерти даже огромного медведя.

Но, как и предсказывал Готор, к этому времени весть о предстоящем походе уже давно достигла ушей адмиралов республики, и кредонцы не преминули воспользоваться возможностью разом прихлопнуть столь досаждавший им в последнее время пиратский флот. И оттого ныне у Ворот пиратов ждали не десяток фрегатов, а огромная эскадра, включающая в себе даже четыре линейных корабля.

Впрочем, пока основные силы кредонцев все еще скрывались за островом Аидаак (или Большая Затычка), который располагался прямо посреди пролива, либо отошли дальше к северу, маяча где-то на самом горизонте, дабы не спугнуть добычу раньше времени. Однако и обычная патрулирующая пролив эскадра была заметно усилена – количество кораблей в ней увеличилось почти втрое.

Что ж... Пираты постарались подойти к проливу, воспользовавшись темнотой ночи, чтобы с первыми лучами светила попробовать войти в славящийся своими коварными мелями и рифами пролив. Но когда поднявшееся солнце вместе с синевой моря и зеленью островов внезапно озарило и целый лес мачт и парусов, встающих на горизонте... Не стоит

скрывать: в этот момент в сердца многих морских разбойников вселился подлинный ужас, и кое-кто из них даже развернул свои посудины, предпочитая спастись бегством.

Но если у пирата и есть какое-то преимущество перед военным моряком, так это его безграничная дерзость и понимание истины, что терять ему нечего. Ветер был самый подходящий, и поэтому большая часть пиратских кораблей (как раз из числа судов с малой осадкой) попробовала оторваться от кредонских фрегатов, пройдя пролив над мелями. Такого, конечно, кредонские моряки никак не могли допустить и потому бросились на перехват.

Подобный маневр пираты предпринимали уже не первый раз, и потому в составе кредонской эскадры теперь также имелись корабли с малой осадкой, способные настичь легкие пиратские посудины в любой точке моря. Но вот только было их нынче гораздо меньше роя пиратских «скорлупок», и потому нескольким фрегатам пришлось отправиться им на помощь.

Зато остальные кредонцы развернулись в сторону больших кораблей пиратского флота, которые, выстроившись во что-то вроде боевой линии, видимо, пытались обойти остров Аидаак с северной стороны, не подозревая об ожидающем их там сюрпризе. Но сюрприз этот еще следовало подготовить, и потому, чтобы выиграть время, примерно треть кораблей эскадры республики, также выстроившись в боевую линию, пошла на сближение с вражеской колонной.

Силы были почти равные. Пираты брали количеством, но не могли сравниться с настоящими военными кораблями и настоящими военными моряками. На стороне литругцев был еще и ветер, зато преимуществом кредонцев являлись выучка и единое командование, в то время как пираты в бою имели привычку подчиняться только своему капитану.

Открытые порты оружийных палуб, напряженные лица со стекающими по щекам, несмотря на утреннюю свежесть, ручейками пота, руки, стискивающие рукояти клинков, пистолетов и пушечных пальников с зажатými в них тлеющими фитилями... Корабли неспешно сближались, и секунды ожидания перед предстоящим боем тянулись невыносимо долго.

– Я пойду на батарейную палубу, – внезапно сказал Готор, дотронувшись до плеча Ренки, отчего тот вздрогнул. – Проверю, как пушкарки справляются с зарядами для новых орудий.

Друг лишь кивнул в ответ, не спуская глаз с приближающегося к ним фрегата кредонского флота «Бесстрашный» – родного брата «Счастливого», построенного на той же самой верфи и некогда вместе с ним несшего службу в эскадре, которая «охраняла» пролив в Срединное море, а сейчас идущего первым в линии кредонских судов с открытыми портами, чтобы растерзать «изменника» в клочья чужуном своих ядер.

Корабли сближались, следуя встречными курсами, почти точно по прямой с севера на юг, явно готовясь к классическому морскому бою в линии. Ветер был с западо-юго-запада и немного подыгрывал пиратам, вынуждая кредонцев часто менять галсы, чтобы не упустить литругскую эскадру.

Колонны сблизились уже почти на дистанцию мушкетного выстрела, когда Ренки отдал приказ, шкипер Лоон резко закрутил штурвал, а матросы дружно отпустили шкоты, разворачивая «Счастливого» по ветру и обрезаая нос идущего первым кредонского фрегата на почти идеальной для стрельбы дистанции.

Не зря Ренки столько времени гонял свою команду, отрабатывая резкие точные повороты и маневры, которые, как помнил он из уроков адмирала оу Ниидшаа, есть один из важнейших приемов, помогающих добиться победы в морском бою.

– Огонь! – проревел оу Дарээка, едва его фрегат перегородил своим бортом путь вражескому кораблю. Спустя несколько мгновений «Счастливый» содрогнулся, окутавшись

дымом, и мимо лица его капитана пролетело множество щепок. Канониры кредонского флота, стоявшие у погонных пушек, тоже не зевали, успев вклеить пару ядер в борт своего противника.

Вполне вероятно, это было последнее, что они успели сделать в своей жизни. Ответный залп был поистине сокрушителен. Пушки сравнительно небольшого калибра, расположенные на палубе, были через одну заряжены кнппелями и картечью.

Полусферы, соединенные цепью, вращаясь с жутким ревом, ударили по такелажу и парусам, обрывая ванты, рубя реи и разрывая парусину в клочья, а тяжелая картечь пронеслась вдоль палуб вражеского фрегата, превращая тела людей в фарш.

Но куда больший урон нанесли тяжелые орудия батарейной палубы, особенно те три новейшие пушки левого борта, что были установлены по настоянию Готора почти перед самым выходом из Фааркоона.

Признаться, другие матросы-пушкарки, не обслуживавшие эти орудия, да и сам Ренки, посматривали на них с некоторым сомнением. Они казались им излишне тяжелыми, особенно за счет утолщенной казенной части. А уж сам снаряд, которым стреляла эта пушка... Пустотелый чугунный шар из двух половинок, скрепленных болтами. Да еще и особое отверстие, через которое перед боем надо было насыпать внутрь изрядную порцию пороха, а потом еще и плотно вставить сверху особый стаканчик с запалом, тем самым перекрыв отверстие.

Хранить и работать с такими штуками на батарейных палубах во время боя, когда в клубах едкого порохового дыма нервно бегают матросы, заряжая пушки и гася начавшиеся пожары, стонут раненые, свистят ядра и картечь и летят щепки! Одно неловкое движение, случайная искра, просыпанный мимо порох, ошибка при работе с фитилем... Словом, шанс пострадать от собственных придумок куда выше, чем поразить врага. Но даже если и удастся снарядить эту бомбу без всяких ошибок и нормально поместить ее в пушку... При одной только мысли о том, что будет, если вместе со взрывом пороха в камере взорвется и порох в ядре, опытный корабельный артиллерист может поседеть за несколько минут. Очень опасное баловство – эти затеи Готора. Тем более что сам снаряд, сохраняя большой калибр, становится куда легче обычного ядра, и, что бы там ни рассуждал этот затейник о каких-то там «начальных скоростях», имелись у пушкаррей немалые сомнения, что при своей легкости такая штука сможет проломить толстый борт военного корабля.

Одно из ядер, от ricochetив от борта «Бесстрашного», ушло в море, навечно отправившись пугать рыб. Взорвалось оно или нет, так и осталось тайной, ибо на обоих флотах не нашлось настолько пытливого, а главное – томящегося от безделья ума, дабы проследить его дальнейший путь.

Зато второе, попав чуть ниже галюна, снесло часть установленной на носу фигуры морского дракона и, прорвавшись в корабельные трюмы, взорвалось прямо возле основания фок-мачты, расшатав крепления и вызвав сильнейший пожар. А вот последнее, направленное лично рукой Готора, вошло в обшивку почти на самой ватерлинии и, взорвавшись, выломало столь изрядный кусок борта, что через образовавшееся отверстие с легкостью смог бы пролезть человек, да не какой-нибудь мозгляк, а вполне богатырских пропорций¹.

Другие ядра, конечно, тоже нанесли немалый урон и самому кораблю, и его экипажу, но их действие было не столь губительным, как у этих двух бомб, и нормальный фрегат мог бы получить не одну сотню таких, все еще оставаясь на плаву.

¹ Взрывы снарядов бомбических пушек пробивали в обшивке деревянного корабля отверстия площадью до квадратного метра.

А вот сейчас «Бесстрашный» содрогнулся и задрожал, словно наткнувшись на риф. В огромную пробоину стремительным потоком хлынула вода, а спустя несколько мгновений фок-мачта с жутким скрипом, словно вопя от боли, рухнула на правый борт.

Корабль быстро потерял скорость, и шедшему позади него однотипному фрегату «Беспокойный» пришлось резко менять курс, ломая линию и создавая сумятицу в стройной колонне кредонских фрегатов.

Следом за «Счастливым» поворот совершили еще пять шедших сзади кораблей из личной эскадры вождей, также успев отстреляться по несчастному «Бесстрашному». А вот одиннадцать других крупных пиратских кораблей прошли прежним курсом, обмениваясь с кредонскими фрегатами залпами вполне в стиле классического морского боя, однако не предпринимая никаких попыток сблизиться для абордажа, дабы завершить решительной победой начавшийся для них столь удачно бой.

Кредонская эскадра из-за неблагоприятного ветра, а главное – из-за резкой потери скорости флагмана, чей нос уже погрузился в воду почти по самый бушприт, пришла в некоторое смятение и была лишена возможности свободно маневрировать, а значит, навязать пиратам удобный для себя стиль боя. Впрочем, надо отдать должное кредонским канонирам – они не растерялись, и, пожалуй, можно сказать, что при обмене залпами были точнее и нанесли пиратам куда больший урон, нежели получили сами. Один из бригов лишился мачты, а на гордость и красу капитана Дгая – трофейный галеон, возглавивший колонну и нахватавший наибольшее количество вражеских ядер, – было просто больно смотреть. Нет, ничего настоящего серьезного – корабль был еще на плаву и мог продолжать битву, но изрешеченные ядрами борта представляли собой довольно печальное зрелище.

А Ренки тем временем продолжил движение, перпендикулярное прежнему курсу, уходя из-под возможного обстрела и позволяя кораблям своего звена завершить маневр и отстреляться по кредонскому флагману. Его артиллеристы, пользуясь возможностью, перезаряжали пушки, что заняло у них куда меньше времени, чем обычно, благодаря как особой конструкции самих пушек, так и ползунковым станкам, заменившим привычные колесные лафеты. Станки были еще одним «изобретением» Готора, также поначалу принятым в штыки из-за кажущейся излишней сложности.

«Счастливый» за отпущенные ему минуты успел совершить новый разворот и, сблизившись с врагом, обрушил мощь своих орудий на арьергард вражеской колонны. Впрочем, на этот раз стрельба велась с несколько большего расстояния, и оттого ее результат был не столь губителен. Но и тут стреляющие бомбами пушки показали себя с наилучшей стороны. Борт фрегата, который шел последним в кредонской колонне, окрасился языками яростного пламени, пробивающимися откуда-то из глубин судна, а мачты заволокло густым дымом. Все остальные кредонские корабли, опасаясь взрыва, поспешили убраться от «раненого» как можно дальше, что еще больше усугубило начавшуюся сумятицу.

А пираты не торопились продолжать бой, ибо добились главного – их противник на некоторое время сбился в кучу, потерял управление и возможность маневрировать. И, пользуясь этим моментом, они, ловя ветер всеми парусами, поспешно увеличивали разрыв между собой и врагом, видимо надеясь успеть проскользнуть в Срединное море, обогнув остров Аидаак с севера, до того как кредонцы смогут организовать за ними погоню.

Увы, но их ликованию и самодовольству быстро пришел конец, едва из-за вершин деревьев острова показались высокие мачты огромных кораблей и из столь желанного им пролива вышли находившиеся в засаде суда.

– Поворот, – скомандовал Ренки, напряженно рассматривая появившиеся корабли. – Курс на запад.

И началась большая гонка. Идти приходилось почти против ветра, так что сейчас все зависело от мореходных качеств кораблей, выучки их экипажей и опыта капитанов. Ренки считал разумным временно передать командование шкиперу Лоону.

Тяжелые линейные корабли кредонцев, конечно, быстро отстали, да им и по рангу не полагалось гоняться за шустрыми пиратскими посудинами. Но вот фрегаты, шлюпы и даже крохотные авизо азартно устремились в погоню в надежде догнать противника и, вцепившись в него, остановить, дожидаясь подхода настоящих охотников.

Увы, но покалеченный бриг без мачты стал их первой добычей. Его быстро взяли на abordаж, зажав с двух бортов куда более крупными фрегатами с многочисленной командой. И об участии экипажа можно было только сожалеть – быстрая смерть в подобных случаях считается подарком судьбы.

Впрочем, остальные пиратские корабли вполне удачно уходили от преследования, учитывая немалую начальную фору. Пиратам было что противопоставить соперникам как по части скорости, так и по выучке экипажей, или, если придется, по меткости канониров и тяжести ядер.

– Поднять сигнал «Держаться вместе», – приказал Ренки своему второму помощнику, заметив, что несколько пиратских кораблей начали выбиваться из общего строя и отваливать в сторону.

– Думаешь, послушают? – спросил Готор, поднявшийся на мостик с батарейной палубы, дабы оценить обстановку. – Обычная тактика пиратов в подобной ситуации – разбегаться в разные стороны, как стая зайцев, в надежде, что охотничья свора побежит за кем-то другим.

– Во всяком случае, – пожал плечами Ренки, – наша совесть будет чиста. Однако тебе не кажется, что пора бы уже и появиться нашему флоту, а то, боюсь, эту гонку смогут выдержать не все даже из наших кораблей.

– Тут нам остается только надеяться, – покачал головой Готор. – Меня куда больше сейчас интересует, успели ли кредонцы оценить мощь наших новых пушек. А то ведь могут и сбежать, не приняв бой с тоореданским флотом. Кстати, ты сам-то оценил?

– Оценил, – улыбнулся Ренки. – Однако мне по-прежнему страшно представить себе, как вы там, в темноте, балуетесь с порохом.

– Потому и пришлось включить в экипаж опытных артиллеристов, прошедших особую подготовку.

Тяжелая, изнуряющая гонка продолжалась еще примерно два часа. Приходилось много лавировать, идя против ветра, поэтому корабли сравнительно недалеко удалились от места предыдущего столкновения.

Но все же несмотря на хорошие мореходные качества кораблей тоореданцев и выучку команды, республиканский флот медленно, но верно настигал беглецов. «Счастливым» и, пожалуй, еще парочка пиратов, конечно, могли бы еще немного прибавить в скорости и в конечном итоге оторваться от преследования, но Ренки, весьма близко к сердцу приняв внезапно выпавшую на его долю должность адмирала, предпочитал придерживать своего «скакуна», подозревая, что стоит только ему попытаться вырваться вперед – и весь его флот воспримет это как сигнал «Спасайся кто может» и разбежится в стороны.

И не то чтобы это как-то особенно сильно повлияло бы на дальнейшее развитие боя. В принципе пираты уже сделали свою работу, заманив кредонцев в заранее оговоренное место, хотя, когда на совете в королевском дворце обсуждали предстоящую битву, никто из присутствующих особых надежд на это не возлагал.

Но ведь была же еще и честь военного вождя! Была гордость капитана – покорителя морей. Одно дело – прибежать под прикрытие пушек адмирала оу Ниидшаа на единственном фрегате. И совсем другое – привести целую эскадру.

– Парус! – заорал марсовый едва ли не в ужасе. – Много парусов на западе. Нас окружили!

– Поднять сигнал «Курс на запад»! – проорал Ренки что есть мочи, дабы погасить в зародыше начавшуюся панику. – Вывесить сообщение: «Это свои». Вынести и приготовить королевский стяг Тооредаана. Приготовиться поднять его на грот-мачту!

– Что ж, – иронично заметил ему Готор, – остается надеяться, что это и правда свои. Я пошел на батарейную палубу. Чувствую, нам еще предстоит сегодня немало подраться. Так что пообщаюсь с пушкарями, прочитаю небольшую лекцию о новых пушках. Может, кто и проникнется.

Королевское знамя на «Счастливом» подняли только после того, как флоты сблизилась достаточно, чтобы и кредонцы заметили появление на горизонте нового игрока. После чего преследователи предпочли спустить паруса, превратившись в наблюдателей. Но бежать назад, под крыло своих главных сил, кредонцы пока не торопились, лишь послали гонца к своему адмиралу с соответствующим сообщением. Ведь неизвестно еще, что это за корабли появились там вдали. А если это просто большой купеческий караван? Бросившись удирать от него со всех ног, любой капитан навечно опозорит свое имя. Но даже если там действительно враг, задача авангарда – определить его численность и степень опасности и по возможности задержать до прихода подкрепления.

Да и семнадцать фрегатов – это немалая сила! Кредонцы чувствовали себя уверенно, не сомневаясь, что, даже если противник и превосходит их числом, этот орешек так легко и быстро ему расколоть не удастся! А там подойдут и другие корабли самого мощного, умелого и обученного флота, который когда-либо в истории человечества бороздил моря, и быстро накажут зарвавшихся выскочек, осмелившихся оспаривать их господство над океаном!

Для Ренки наступил своеобразный момент истины. Вывесив на мачтах сигнал «Делай, как я», он развернул свой корабль и отправился навстречу противнику.

В том, что пять кораблей, вместе с ним вышедших из Фааркоона, последуют за своими вождями, он не сомневался. То были надежные проверенные люди, отчасти даже состоящие на королевской службе, давно уже признавшие власть и авторитет военных вождей. А вот пиратские корабли с экипажами, набранными преимущественно из жителей Литруги... Предсказать, как поведут себя они, ни Ренки, ни Готор не могли до самого последнего момента.

Что ж, пираты разделились. Из одиннадцати кораблей семь также совершили оверштаг, пристраиваясь в кильватер к колонне фааркоонцев, а четверо оставшихся предпочли продолжить свой путь в открытое море, уходя подальше от битвы и всех связанных с ней опасностей. Как ни странно, но капитан Дгай был в числе оставшихся, видимо тем самым повлияв и на решение многих других пиратов. Впрочем, это скорее означало его нежелание отказываться от еще не найденных мифических сокровищ, нежели доказывало преданность вождям.

– Простите, сударь, – подал голос шкипер Лоон. – Неужто вы и впрямь собираетесь атаковать кредонский флот? Я хоть и сам успел разглядеть, что там, с запада, идут наши моряки из эскадры оу Ниидшаа, однако не кажется ли вам эта атака несколько преждевременной? Пока они дойдут до нас и смогут оказать помощь, кредонцы уже успеют пустить нас на дно. У них и в кораблях-то преимущество едва ли не в полтора раза, а уж по пушкам, думаю, они нас превосходят вдвое, если не втрое.

Задать подобный вопрос капитану осмелился только шкипер. Однако по насторожившимся ушам рулевого Ренки нетрудно было угадать, что заботит это куда больше народу. У оу Ренки Дарээка была весьма грозная репутация неустрашимого героя, готового ввязаться в любую битву. Здравомыслящие люди предпочитают держаться от таких героев подальше, справедливо полагая себя не столь свирепыми, а главное, не настолько неуязвимыми, чтобы совершать глупости. Тем более многие из его экипажа (и тем более из экипажей пиратских судов) королевского жалованья не получали и потому вполне справедливо считали, что разборки между королевством и республикой их не касаются. Поэтому для того чтобы вдохновить их на битву, надо было показать и некую выгодную сторону подобного предприятия.

Капитан оу Дарээка, слегка улыбнувшись, ответил:

– Меняйте курс. Зайдем к ним с севера, обогнув левый фланг. – Ренки старался говорить достаточно громко, чтобы все на палубе его слышали. – Наша цель – постараться вклиниться между основным флотом и этими выскочками. Тем самым мы, во-первых, разделим кредонцев, ибо они будут вынуждены перестроиться и развернуться, а значит, еще дальше оттянуться на юг. А во-вторых, нарушим связь между флотами, ибо сможем перехватывать любых курьеров, которых они вышлют с той или другой стороны. В-третьих, вывесите сигнал: «Атаковать вышедшие из строя суда». Наши пираты это оценят – призовые деньги за кредонский фрегат могут наполнить кошельки куда быстрее, чем любые древние сокровища.

Слова капитана были услышаны и приняты очень тепло. «Счастливым» был достаточно большим кораблем, но даже на очень большом корабле известия о намерениях капитана разносятся очень быстро, так что уже спустя десять минут последняя пороховая мартышка глубоко в трюме и матрос, уже битых два часа не слезавший с марса, знали о том, что корабль пойдет в бой, но риск этот будет вполне оправдан перспективой немалой выгоды. Даже пираты оценили ход своего самоназначенного адмирала.

– Когда военные морячки начнут рубиться, – глубокомысленно заметил капитан Дгай своему помощнику, – поврежденные суда начнут покидать строй, чтобы залатать дыры да подремонтировать такелаж. Тут-то мы на них и навалимся. Драка, конечно, будет немаленькая, но, думаю, оно того стоит. Передайте корабельному плотнику с помощниками, чтобы в битву не лезли, но были готовы заделывать пробоины. Будет обидно, если отбитый кредонец уйдет на дно.

Что моряку нужнее всего? Наверное, терпение. Расстояния на море, как правило, огромные, и время переходов течет довольно медленно. Пока тоореданский флот подошел к месту предстоящей битвы, пока пиратская эскадра смогла совершить свой маневр, прошло, наверное, не менее трех часов.

Единственным стоящим упоминания событием, произошедшим за все это время, пожалуй, можно назвать только небольшую погоню за кредонским авизо, пытавшимся передать весть от основного флота неподвижно застывшей группе. Неизвестно, что он там вез и что означал сигнал из флажков, поднятый на его мачтах, но к группе вестника не подпустили, впрочем не сумев его захватить. Кораблик был маленький, но шустрый. Богатая республика специально строила на своих верфях подобных «гонцов», а не подбирала их из того, что под руку попадется, как остальные государства.

А потом еще внезапно наступил штиль, и флоты застыли в пределах видимости друг друга, но на дистанции, не позволяющей открыть огонь, и оттого могли лишь прожигать друг друга взглядами сквозь стекла подзорных труб.

Жаркое солнце, неподвижная вода, уныло обвисшие паруса на мачтах и тревожное ожидание... Буквально в версте с небольшим замер опасный, ненавидимый всеми фибрами души враг. При большом желании до него, наверное, можно было бы добросить ядро, если бы на корабле нашлась длинноствольная пушка вроде тех, что стоят на береговых батареях.

Но даже из такого орудия едва ли получится пробить толстую оболочку борта с подобной дистанции, так что остается только смотреть и ждать. Скрипя зубами, потев от напряжения и накачивая себя яростью, что выжигает все внутри. Воистину профессия моряка, особенно военного, требует много терпения и крепких нервов. Подобные паузы в бою могут вымотать куда сильнее, чем самая жаркая схватка.

Впрочем, подобные штили в этой части океана были нередки, особенно в это время года. И все капитаны знали, что обычно они длятся не слишком долго, так что проще переждать, чем спускать шлюпки и пытаться буксировать суда в сторону пролива.

– Ветер! – внезапно крикнул шкипер Лоон. – Наши ставят паруса!

В отличие от всех остальных опытный шкипер Лоон смотрел не на противника, а на океан и небо и оттого первым (к небольшой досаде Ренки) заметил изменение обстановки. Хотя надо было быть очень опытным моряком, чтобы различить изменяющийся оттенок водной стихии там, где на нее начала воздействовать стихия воздушная. Небольшая, едва заметная рябь появилась вокруг кораблей тооредаанского флота и стремительно понеслась к флоту Кредона.

– Сдается мне, дует точно с запада, – отрапортовал шкипер и, внезапно расплывшись в непривычной для него улыбке, добавил: – Похоже, сегодня боги на нашей стороне!

Что и говорить, попутный ветер был немалым подспорьем для эскадры адмирала оу Ниидшаа. Главный морской гений тооредаанского флота поделил свои силы на три весьма неравных части. Первая, состоявшая из двенадцати судов – легких фрегатов и кораблей, схожих с ними по мореходным качествам и количеству пушек, начала с правого фланга обходить кредонскую линию, которая вытянулась с северо-востока на юго-запад.

Два линейных корабля и тяжелые фрегаты, общим количеством четырнадцать вымпелов, изящным маневром выстроились в параллельную линию перед кредонцами, навязывая противнику классическую артиллерийскую дуэль.

Третья группа, состоявшая преимущественно из старых военных кораблей и купеческих судов, привлеченных для подвоза флоту продуктов и боеприпасов (увы, но снабжение есть краеугольный камень любого военного формирования), пока оставалась в резерве. Первые вроде как охраняли вторых, предоставив «молодым» ратные подвиги. Впрочем, сражение обещало быть столь грандиозным, что, вполне вероятно, именно ветеранам могла выпасть честь завершить его, когда молодые да лихие обломают зубы о вражеские борта.

И вот раздались первые залпы.

– Сигнал Дгаю, – приказал Ренки. – «Напасть на суда за линией». Мы же потревожим их арьергард. Шкипер Лоон, приглядывайте за восточной стороной. Не хотелось бы оказаться зажатым между кредонскими флотами.

«За линией» находились четыре быстроходные шхуны и три авизо, чьи капитаны, на свою беду, бросились догонять «удирающих» пиратов, думая, что это их шанс заслужить награду, показав всему флоту свою лихость и мастерство.

Сейчас они были вынуждены прятаться за корпусами больших судов, ибо если на них и стояла какая-то артиллерия, то явно недостаточного калибра, чтобы всерьез претендовать на участие в морском бою такого уровня. А вот толщина бортов этих легких корабликов делала их слишком уязвимыми для ядер фрегатов, не говоря уж о ядрах с огромных линейных кораблей. Не могли они всерьез претендовать и на реальное противодействие направившимся в их сторону пиратским судам. Все, что им оставалось, – это пытаться маневрировать, не позволив неприятелю сблизиться для абордажа. Охота на подобные цели была хорошо знакома пиратским капитанам, и они с радостью «включились в игру», оттесняя «нестроевых» от главных сил эскадры и загоняя их под свои пушки, дабы обездвигить, а потом и захватить.

Задача же оу Дарээка была намного сложнее – поучаствовать в морском сражении, да так, чтобы не попасть под пальбу своих союзников. А поучаствовать было необходимо, ибо Ренки не мог представить себе ничего более позорного, чем на вопрос: «А что ты делал во время великого сражения у Ворот?» – ответить: «Стоял в сторонке».

Он подвел свою эскадру поближе к арьберггарду кредонцев и включился в артиллерийскую дуэль. Несколько раз он готов был поклясться, что вместе с ядрами, выпущенными с батарейных палуб кредонских фрегатов, до бортов его «Счастливого» долетали и ядра тооредаанских пушек. Но разве не в том и состоит истинное мужество солдата, чтобы, не выказывая ни малейших признаков страха, встречать любую опасность, от кого бы или от чего бы она не исходила?

Впрочем, этот эпизод битвы продлился не так уж и долго. Кредонцы явно переоценили свои силы, вернее, недооценили врага. Мало того что обрушившийся на них огонь тооредаанцев оказался поистине ураганным, так еще внезапно снаряды, пробивающие толстые борта, начали взрываться, уничтожая экипаж осколками и вызывая пожары такой силы, что пиратам, сунувшимся было к парочке подвергнувшимся воздействию таких снарядов кораблей, пришлось поспешно удалиться, опасаясь, что пламя перекинется и на них.

Да, пусть новейших бомбических пушек Готора на тооредаанском флоте было не так уж и много и пусть отнюдь не всякий снаряд попадал в цель, пробивал борт или срабатывал, как должно, но зато те, что срабатывали, наносили поистине катастрофический урон.

– Капитан... – Шкиперу Лоону даже пришлось дотронуться до руки Ренки, напряженно разглядывающего сквозь клубы дыма кредонский фрегат, с которым он в данный момент обменивался залпами. – Посмотрите, их новый флагман поднял какой-то сигнал.

– И что это значит, по вашему мнению? – сдерживая раздражение из-за того, что его отвлекли, поинтересовался Ренки.

– Судя по тому, что они начали поднимать стаксели, полагаю, кредонцы подумывают развернуться и обратиться в бегство, – меланхолично пояснил свою мысль Лоон. – А основная кредонская эскадра уже сравнительно недалеко. Если бы не встречный ветер, они бы давно уже были тут, – добавил он.

– Хм... – задумался Ренки, попытавшись осмотреть поле боя сквозь клубы дыма.

Действительно, авангард и арьберггард кредонской эскадры, подвергнувшиеся наиболее интенсивному обстрелу, уже вовсю пылали, так что пятый от головы колонны фрегат, все еще остававшийся относительно целым, был вынужден взять на себя роль флагмана и, кажется, действительно пытался выйти из боя, призывая всех способных двигаться товарищей последовать своему примеру. Это было весьма мудрым решением – кредонская эскадра находилась уже достаточно близко, чтобы не позднее чем минут через двадцать – тридцать вступить в бой. Этого времени тооредаанцам вполне хватило бы, чтобы превратить и остальные корабли избиваемой эскадры в пылающие обломки, так что действиями того, кто взял на себя командование, явно руководил не страх, а здравый смысл. Шанс уйти, спрятавшись под крыло флота, и успеть привести себя в порядок для продолжения боя у кредонцев еще был.

– Мы обязаны попытаться перехватить их! – решительно заявил капитан оу Ренки Дарээка.

Легко сказать, да нелегко сделать. Не так-то просто прямо посреди сражения обратить на себя внимание остальных кораблей своей эскадры, а уж тем более – повести их в новую битву, однако Ренки все же смог вывести подчиняющиеся ему корабли из боя и направить их в сторону разворачивающихся кредонских фрегатов.

– Берем на абордаж! – решительно заявил он. – Сообщите оу Готору, чтобы не бил по ним своими бомбами, а вот зарядить пушки картечью не помешает.

Шкипер Лоон вовремя заметил эволюции противника, а корабли пиратской эскадры были в куда лучшем состоянии, чем выходящие из боя кредонцы. Оттого они имели и опре-

деленный запас скорости, и возможность маневра. А уж по части умения перехватывать чужие суда пиратам было мало равных.

– Огонь! – рявкнул Ренки, и залп картечи прошелся по палубе вражеского фрегата, словно огромный веник.

– Только не лезь первым, – предупредил внезапно появившийся рядом Готор и даже слегка придержал приятеля за пояс.

– К абордажу готовься! Боцман, раздать мушкеты и холодное оружие. Солдаты, строиться на палубе. Шкипер Лоон, возьмите штурвал, подводите ближе... Ну, что же вы! Крючья!!! Пли!!! На штурм!!!

Шкипер, несмотря на окрики Ренки, подвел «Счастливого» к вражескому борту очень аккуратно и с большим искусством, вместо привычного удара борт о борт обозначив лишь легкое касание. И оттого мушкетный залп, которым немедленно разразилась выстроенная на палубе рота фааркоонских егерей, был особенно точен и убоен.

А потом, как обычно, на вражеский корабль, изрешеченный ядрами и картечью, хлынул еще и людской поток, полный ярости и злобы.

Абордажные бои... Существуют ли в мире более непримиримые и бескомпромиссные схватки, чем эти? Сама теснота корабельных палуб, где зажатые, словно в клетке, люди вынуждены биться за свою жизнь, не имея возможности отступить, диктует свои особые законы. А враждебная стихия вокруг и осознание того, что пощады не будет? Наконец, нервы, до невозможности расшатанные предварительным артиллерийским огнем, когда от тебя ничего не зависит, и лишь случайность да прихоть судьбы решают, просвистит ли вражеское ядро рядом с тобой или разорвет тебя в клочья. Все это выплескивается на палубы вражеских судов вместе с натиском абордажной команды.

Противники были примерно равны. До начала боя. Сейчас же кредонцам уже изрядно досталось от пушечного огня тоореданских фрегатов, да и боевой дух тех, кто фактически вынужден был спастись с поля боя бегством, явно был подорван.

Однако сдаваться кредонские моряки не собирались. Их встречный залп хоть и был значительно более жидким, чем пальба фааркоонцев, тем не менее унес немало жизней. И встречный накат, которым они попытались спихнуть врага с палубы своего корабля, был весьма решительным и опасным.

Но солдаты Готора и Ренки практиковали то, что пока еще не использовал ни один флот в мире. Военные вожди специально обучали своих солдат драться на палубах судов, заваленных разным мусором и залитых кровью. Сражаться, разбившись на малые группы, или мгновенно, по особому сигналу образовывая единый строй.

Обычно морских пехотинцев и реже – матросов просто учили воевать – заряжать мушкеты, стрелять или драться врукопашную, используя мушкет со штыком или тесаки. И этого им вполне хватало. А те, кто смог пережить несколько абордажей, еще и наработывали особые приемы, которыми, бывало, даже делились с новичками. Но все это делалось достаточно хаотично и бессистемно. И оттого очередной абордаж быстро превращался в жестокую и бессмысленную свалку, ибо управлять в подобном хаосе войсками было практически невозможно.

Готор же не только обобщил нажитый опыт разных людей, благо среди пиратов было немало опытных абордажников, но и специально, в тишине и покое фааркоонского полигона, где был выстроен макет корабля, разрабатывал особые тактики, неизвестные до сей поры, пытаясь донести эти знания до каждого отдельного солдата. Как взломать вражескую оборону? Какие ключевые точки на корабле надо занимать первыми? Все это и многое другое тщательно обсуждалось, испытывалось и объяснялось фааркоонским егерям и матросским экипажам кораблей вождей, которых тоже несколько раз вывозили на этот полигон.

Оттого не только сержанты и капралы, но даже обычные рядовые, попав на палубу вражеского корабля, гораздо лучше понимали, что надо делать, чем иные офицеры, впервые участвовавшие в абордажном бою. И в данном случае подобная практика себя оправдала. Сопротивление кредонцев было сломлено. Мостик и баковые надстройки заняты первыми, а оказавшийся между двух огней противник безжалостно расстрелян и сметен с верхних палуб.

Драка переместилась на батарейные палубы и в трюмы, но самое главное было сделано – дух противника был сломлен.

Где-то в глубине корабля еще слышался звон клинков и вопли убиваемых людей, а Ренки, вытирая шпагу платочком, уже вернулся на мостик «Счастливого». Его раздирали весьма противоречивые чувства. С одной стороны, упоительного восторга жестокой резни он так и не испытал, ведь ему фактически не дали поучаствовать в битве. Одна-единственная схватка с каким-то доходягой – это даже не смешно. Но с другой стороны, все эти месяцы работы по созданию нового войска явно не прошли даром! Его егеря просто смели вражеский экипаж с палуб почище чем картечный залп!

– Капитан! Шлюп у трапа по левому борту. Офицер просит разрешения подняться на палубу.

Ренки выглянул за борт. Действительно, пока он пытался геройствовать на вражеском судне, к ним подошел небольшой шлюп под тооредаанским флагом, с экипажем в форме тооредаанского военного флота.

– Боцман! – рявкнул Ренки. – Почетный караул к трапу. Приветствовать гостей!

Боцман, вернувшийся с капитаном с захваченного судна и спешно наводивший порядок на своем корабле, выстроил десяток матросов возле трапа и приветствовал поднявшегося офицера.

Ренки хотел встретить гостей, стоя на мостике, как это и подобает капитану. Но, увидев, кто поднялся на борт, поспешил к офицеру.

– Рад вас приветствовать на борту «Счастливого», второй лейтенант оу Нииндига, – обратился он к своему старому знакомому и наставнику в морском деле.

– Благодарю. У меня сообщение от адмирала оу Ниидшаа для капитана оу Дарээка, – отрапортовал ему тот, отдавая честь. – Адмирал благодарит вас за участие в битве и особенно хвалит за произведенный захват пытавшихся выйти из боя фрегатов. Он велел передать, что считает произведенный маневр выполненным весьма своевременно и безупречно. Однако если вы намерены и дальше участвовать в битве, он полагает уместным для вашей эскадры перейти под его командование. В знак вашего согласия вы должны спустить все флаги кроме королевского знамени и присоединиться к отряду легких фрегатов.

– Хм... – задумчиво ответил на это Ренки. – Нииги, тут есть маленькая проблема. Боюсь, что могу с уверенностью отвечать только за шесть кораблей нашего с Готором флота. А вот как поведут себя остальные суда, сказать сложно.

– Ничего страшного, Ренки, – улыбнулся в ответ второй лейтенант, так же переходя на дружеский тон. – Старик, отдавая приказ, пробурчал себе под нос: «Может, удастся призвать к порядку хотя бы парочку этих разбойников». Шесть кораблей, да еще и такого ранга, как у тебя, – это куда больше, чем он рассчитывает.

– Кстати, как тебе мой «Счастливый»? – едва не лопааясь от самодовольства, поинтересовался Ренки.

– Эх... – не без приятных для Ренки ноток зависти в голосе вздохнул Нииги. – Для того, кто лишь несколько лет назад попал в мичманский кубрик, не умея отличить сигнального

фала² от якорной цепи, ты сделал небывалую карьеру! Впрочем, я был бы распоследней трюмной крысой, если бы не сказал, что это вполне заслуженный успех.

– Ну, Нииги, – поспешил Ренки вернуть комплимент, – в твои годы быть вторым лейтенантом на флагмане флота – это тоже немало. Я ведь прав, ты офицер «Громовержца»?

– Да! – не без гордости заметил второй лейтенант оу Нииндига. – У меня был выбор – получить под собственное командование шлюп или даже шхуну или продолжить службу под началом адмирала. Не буду скрывать, это был весьма нелегкий выбор, ведь собственный мостик – это то, о чем мечтает любой моряк. Но я все-таки решил продолжать учиться у нашего старика. Тогда, возможно, когда-нибудь я перейду с «Громовержца» на собственный фрегат. Еще больше, чем у тебя! – не смог он удержаться от небольшой подколки.

– Буду только рад! – усмехнулся в ответ Ренки. – А то, если хочешь, переходи под мое начало, и я уже завтра поставлю тебя командовать вот этим фрегатом, – указал он на стоящий рядом захваченный кредонский корабль, на котором уже стихли звуки схватки, зато слышались некие приглушенные возгласы, обычно сопровождающие легкую мародерку.

– Ох, не искушай меня, – словно за стенку, спрятался за выставленные ладони Нииги. – Впрочем, я уже выбрал свой путь, и он связан только с Королевским флотом. Кстати, твои трофеи... Адмирал сказал, что на судах конвоя есть призовые команды. Ты можешь забрать весь свой экипаж обратно, думаю, в предстоящей битве тебе еще понадобятся все твои люди. И конечно же можешь не сомневаться, что ваша добыча не уплывет в чужие руки. Адмирал дал слово! А еще... – Нииги немного замялся. – Он просит благородного оу Готора Готора перейти на его корабль. Я понимаю, что вы с ним друзья и всегда дрались бок о бок. Но адмирал считает, что его присутствие там может быть полезно для всего флота.

– Я передам ему просьбу адмирала, – сказал Ренки, хотя холодок и пробежал по его сердцу. Действительно, он намного уверенней чувствовал себя в бою, зная, что друг находится где-то рядом.

– Хорошо, – кивнул лейтенант оу Нииндига, вновь переходя на официальный тон. – Вон идет эскадра легких фрегатов. Полагаю, капитан, вам стоит занять место в конце колонны. А мне, сударь, пора возвращаться к своим обязанностям. Удачи вам в предстоящем бою!

– И вам, второй лейтенант, удачи. Да здравствует король!

Громада кредонского флота приближалась стремительно и неумолимо. Обе эскадры шли сейчас навстречу друг другу, и тут уже было не до особых маневров и хитрых тактик. Кажется, для этого просто не хватило бы места, настолько много больших кораблей сошлось у Ворот в Срединное море.

Наибольшую опасность для флота Тооредана конечно же представляли четыре огромных линейных корабля кредонцев. Каждый нес на себе от девяноста до ста сорока пушек, а толщина бортов³, сделанных из прочного дуба, была такова, что даже средних размеров ядра отскакивали от них, словно мелкие камушки от железной плиты.

Но и другие корабли флота были не меньшей угрозой, взять хотя бы те шесть галеонов, пусть и несколько устаревших, но еще весьма грозных и способных огрызаться на врага огнем семи-восьми десятков пушек. Да и тяжелые фрегаты, составлявшие наибольшую часть флота, не слишком от них отставали, неся на своих деках от пятидесяти и больше пушек. Словом, это был очень грозный враг, настолько уверенный в себе и в собственной непобедимости, что это вселяло робость в сердца даже самых смелых противников.

Флот Тооредана заметно уступал противнику по количеству судов. В первую очередь у королевства было гораздо меньше грозных и неприступных «морских крепостей», выиг-

² В данном случае **фал** – часть бегучего такелажа, с помощью которого поднимают сигнальные флажки.

³ Толщина бортов линейных кораблей была в среднем от восьмидесяти сантиметров до метра.

рывавших не просто по количеству пушек, но и по их качеству. Те орудия, что они могли нести на своих самых нижних деках, подчас соперничали в мощи с настоящими крепостными пушками.

Да и по части более легких фрегатов кредонский флот превосходил соперника. Так на что же надеялся адмирал оу Ниидшаа, ведя свои корабли в бой?

Задумывался ли об этом кредонский адмирал и капитаны кораблей его флота или просто наслаждались своим превосходством? Увы, это было неизвестно. Однако тактику кредонцы выбрали вполне стандартную, выстроившись в классическую линию для мощного артиллерийского противостояния. Несмотря на кажущуюся монолитность, кредонский флот поделился на три отряда. Наиболее мощные линейные корабли расположились по краям линии, готовые охватить вражеские фланги, а шесть галеонов заняли середину. Тяжелые фрегаты встали между этими главными центрами противостояния, а более легкие корабли, от которых в серьезном линейном бою все равно не будет никакого толку, ушли за линию, дожидаясь своего времени, когда можно будет перехватывать и брать на abordаж поврежденные корабли противника.

Увы, но «Счастливый» и его капитан оу Дарээка сейчас выступали в роли простых работяг войны, воюющих в строю. Так что замыслы командиров оставались для Ренки тайной, и ему оставалось лишь выполнять приказы. Потому-то и о смысле перестроения, что произвел Королевский флот, он мог только догадываться.

Тоореданцы так и продолжали двигаться двумя походными колоннами точно на восток, словно бы не замечая перегородившего им дорогу кредонского флота, подобно двум огромным стрелам, направленным в центр вражеской линии. Вот только место флагмана каждой из колонн занял матерый ветеран, отслуживший Тооредану уже не один десяток лет и считавшийся устаревшим еще во время участия в битве при мысе Куаа. Там старички-корабли изрядно отличились – в основном тем, что смогли выжить.

Это были довольно древние посудины, впервые спущенные на воду во времена, когда кораблестроение еще отличалось изрядной архаичностью. Широкобокие, с высокими надстройками на корме и носу, не слишком-то быстрые и, несмотря на большое водоизмещение, несшие не так много пушек. Зато они были крепкие, и утопить такую лоханку являлось весьма непростой задачей. В нынешние времена ветераны могли противостоять кредонским кораблям только в качестве щита, на роль которого адмирал оу Ниидшаа их, видимо, и назначил.

Но вот как объяснить покинувшие свои места далеко в тылу два роя корабликов, выстроившихся теперь по флангам? Брандеры? Но Ренки прекрасно видел, что это обычные, лишь немного переделанные торговые шхуны, ничего общего не имеющие со знаменитыми готоровскими torpeda. Недостаточно быстроходные и слишком большие – идеальные мишени для вражеских пушек.

Казалось, сами боги пожелали поучаствовать в этой потехе, и при ясном небе, на котором в данный момент не наблюдалось ни единого облачка, разразилась жуткая гроза. Но нет – это кредонские галеоны дали первые залпы. Дистанция была еще достаточно большая, но ядра их орудий достигли целей, приведя корпуса и рангоут флагманов двух тоореданских колонн в изрядное расстройство. Правда, пока никакого существенного урона Королевский флот не понес – колонны даже не сбавили скорости. Однако можно было только догадываться, насколько убийственным будет для этих ветеранов второй продольный залп, произведенный уже почти в упор. Даже Ренки, побывавшему ни в одном и сухопутном, и морском сражении, становилось жутковато при одной мысли, что будет твориться на палубах этих обреченных на смерть кораблей, когда по ним пройдет целый рой ядер с многопушечных кредонских галеонов.

Уже впоследствии стало известно, что на ветеранах было минимум команды, почти отсутствовали пушки, трюмы же были как-то по особому подготовлены (очередной рецепт Готора, он называл это *germetichnye otseki*), а все носовые помещения – плотно забиты грузом обыкновенных дров, принявших на себя большую часть ядер и картечи. И тем не менее после второго залпа кредонцев участие ветеранов в битве закончилось, как, впрочем, и их земное, или лучше сказать – морское существование.

Зато с тех пор в тооредаанском флоте всегда были корабли, носящие те же имена как символ беззаветной преданности королю, мужества и самопожертвования.

Впрочем, все это было намного позже. А сейчас немалый опыт адмирала оу Ниидшаа позволил ему начать разворот за несколько мгновений до вражеского залпа.

Конечно, часть ядер досталась и его «Громовержцу», шедшему сразу за «щитом», но для такого большого корабля это было как мушкетная пуля в спину кита. Зато королевский флагман успел разминуться с погибающим ветераном и, войдя в промежуток между двумя галеонами, разрядить по ним сразу оба своих борта с дистанции картечного залпа. Почти половина пушек на нижнем деке «Громовержца» стреляли бомбами, и оттого последствия залпа были поистине ужасающими. Сразу в нескольких местах вспыхнули пожары, на одном из галеонов упала фок-мачта, а ядра и картечь из обычных пушек выкосили команду. Затем место «Громовержца» занял второй линейный корабль, и его огонь был не менее убийственным.

Примерно той же тактики придерживались и корабли колонны, в которой шел «Счастливый» капитана оу Дарээка. Только вот воевали они со стоящими в линии фрегатами кредонцев. К тому времени, когда подошла очередь стрелять кораблю Ренки, это уже скорее можно было сравнить с ударом милосердия. Пусть на легких фрегатах и не было столько бомбических орудий, как на тяжелых линейных, однако и огонь простых пушек столь жестоко прошелся по врагу, что корабли республики напоминали плавающее решето.

Впрочем, это была лишь завязка боя, сдаваться кредонцы не собирались. Колонны пошли дальше, уходя за линию «нестроевых корабликов» и ставя их как очередной щит между собой и огнем вражеских пушек.

За этой защитой они смогли развернуть боевую линию. А дальше началась классическая «огненная потеха»: соревнование на скорость зарядки пушек, меткость канониров, выносливость артиллеристов и прочность кораблей.

Кредонцы имели в этой игре изрядный опыт и считали себя непревзойденными чемпионами. Однако быстро выяснилось, что и тооредаанцы им ни в чем не уступают, а где-то, может, даже и превосходят. После того как с «мелким флотом» было покончено, большие кредонские корабли куда чаще стали выходить из строя, охваченные пожарами или вынужденные закрывать пушечные порты, которые начала заливать вода, так как из-за многочисленных пробоин они погрузились слишком глубоко.

А что же тем временем творилось на флангах, где у кредонцев стояли самые мощные суда? Там рои маленьких корабликов совершали весьма странные эволюции вблизи вражеской колонны, вроде как и не приближаясь на дистанцию убойного выстрела, но и не отпуская свои жертвы. Кажется, никакой особой опасности эти крохи для линейных гигантов не представляли, но у кредонцев были свежи воспоминания о разрушительных действиях тооредаанских брандеров. И они вполне законно опасались, что разрушения от этих ничтожных корытцев могут быть самые ужасные. Так что большие корабли кредонской линии были вынуждены отбиваться от стаи москитов, не имея возможности оказать помощь своему центру.

– Капитан! – окликнул Ренки всевидящий шкипер Лоон. – На востоке появились какие-то паруса.

Ренки глянул в подзорную трубу. Из находившегося в десятке верст пролива в Срединное море выходил какой-то флот.

– Ничего страшного, – успокоил он встревоженного шкипера и остальную команду. – Это не кредонцы, это мооскаавцы.

– Но разве... – начал было шкипер.

– Они с нами, – громко объявил Ренки, стараясь перекрыть пушечную канонаду, чтобы быть услышанным хотя бы своим ближайшим окружением. – Их появление было оговорено заранее, хотя я надеялся, что они соизволят прибыть несколько раньше. Впрочем, чего еще ждать от этих хитрозадых недоимперцев? Следите за сигналами флагманов. Возможно, мы получим какие-то новые приказы.

– На «Громовержце» поднят сигнал «Продолжать бой», – отрапортовал шкипер, посмотрев в подзорную трубу на флагманский корабль, чьи высокие мачты едва проглядывались за клубами порохового дыма.

– Тогда продолжаем. Из-за дыма кредонцам не видно, что к нам идет подмога. Это станет для них очень неприятным сюрпризом! Как думаете, шкипер Лоон, как быстро флот сатрапии до нас дойдет?

– Думаю, не раньше чем через час. И то если они не отвлекутся на отлавливание мелких кредонцев, что успели улизнуть от наших ребят.

– Значит, надо продержаться еще час! – оптимистично заявил Ренки, и в этот же момент одно из ядер с кредонского фрегата срубило бизань-мачту «Счастливого», а второе, пронесшись буквально в нескольких пядях от лица капитана, разнесло в щепки штурвал и покалечило рулевого.

– Боцман! – заорал шкипер Лоон. – Отправить плотника чинить руль, а сам собери людей и обрубь ванты, не хватало еще, чтобы мачта разворотила нам борта. У нас и так полно дыр.

К тому времени, когда к месту событий подошел флот Мооскаавской сатрапии, обе воюющие эскадры уже пребывали в весьма плачевном состоянии, но боевого духа не потеряли. Классических линий уже не существовало. Многие корабли вышли из боя, чтобы завести пластыри и восстановить плавучесть. Другие просто пошли ко дну или сгорели. А иные, оставшись без управления, просто дрейфовали, отдавшись на милость ветров и течений.

Наверное, если бы кто-то считал по очкам, то победа была бы присуждена тоореданскому флоту. Их враги пострадали куда больше. Но увы, в подобных «играх» победа по очкам не предусмотрена. Кредонцы изначально были сильнее и, даже понеся немалые потери, все еще оставались грозной силой и имели все шансы выиграть сражение.

Пусть их центр фактически был уничтожен, пусть многопушечные галеоны либо пошли ко дну, либо догорали посреди океана, но и их противникам тоже изрядно досталось. Два линейных тоореданца представляли собой печальное зрелище, ибо сегодня только ленивый кредонец не выцеливал столь достойную добычу. Третью пушек их правого, обращенного к противнику борта была выбита, а рангоут – так сильно покорежен, что корабли едва-едва сохраняли какое-то управление, а уж про их участие в погонях не могло быть и речи.

А вот у Кредона еще оставались целехонькими два линейных корабля. Еще один из пары, занимавшей левый фланг, неудачно ввязался в дуэль с новейшим тоореданским фрегатом, подпустив его слишком близко. И пусть его обидчик сейчас качался невдалеке на волнах без мачт, с разбитым рулем и изрешеченными бортами, а остатки его команды, явно проигрывая борьбу за живучесть корабля, уже по приказу третьего помощника, заместившего убитых старших офицеров, разбирали палубу, строя плот, ибо все шлюпки были уничтожены, зато шесть бомб, прорвавшиеся сквозь толстые борта линейного корабля, устроили

такой пожар, что уже через десять минут после обмена залпами кредонский многопушечный красавец скрылся в пламени взорвавшейся крюйт-камеры.

А его сосед, также попавший под обстрел бомбических орудий, еще мог огрызаться огнем половины своих пушек, но столь быстро набирал воду, что его капитан больше думал о спасении своего корабля, нежели об уроне, который еще можно нанести противнику.

– Капитан. – Даже в разгар такого сражения шкипер Лоон был уныло меланхоличен, однако не терял бдительности. – На «Громовержце» поднят сигнал «Решительная атака».

– Значит, идем на абордаж! – заметил Ренки. В отличие от своего шкипера он был весел, а его ноздри хищно раздувались в предчувствии очередной кровавой резни. – Продублируйте приказ. Что у нас с рулем и какие паруса мы еще можем поднять?

Руль оказался исправен. Почти. Фок-мачта оставалась целехонькой, да и на обрубленной посередине бизани смогли растянуть какие-то импровизированные паруса.

– Лоон, голубчик, – едва ли не взмолился Ренки, указывая на один из кредонских больших фрегатов, выглядевший еще относительно целым. – Постарайтесь подвести «Счастливого» вон к тому красавцу. А если еще сможете подойти к нему левым бортом, я даже не знаю, что вам за это пообещать. Потом сами придумаете себе награду!

– Ветер не слишком-то подходящий для подобных маневров, – пробурчал в ответ на это Лоон. – Однако попытаться можно.

– Артиллеристов – на левый борт! – начал приказывать Ренки. – Заряжать картечью. Егерям – заряжать мушкеты и готовиться. Это будет славная драка!

«Счастливый» сделал замысловатую петлю, невероятными усилиями шкипера Лоона и подчинявшихся ему матросов сумел развернуться к противнику левым, наименее поврежденным бортом и дал картечный залп, получив в ответ еще пару ядер в и без того уже изрешеченные борта. Потом было сильное столкновение. Увы, с управлением у «Счастливого» дела были не слишком хороши, не так, как всего пару часов назад во время прошлого абордажа, и оттого мягкого касания борт о борт не получилось. Удар был такой силы, что обшивка обоих судов явственно затрещала, а на палубах многие попадали с ног. И тем не менее это не помешало обоим командам ринуться навстречу друг другу.

Залп. Ответный залп. Попытка перескочить на вражеское судно и пойти в штыковую. Залп фальконетов с борта кредонца, выкосивший десяток солдат и матросов на палубе «Счастливого». Еще один одновременный залп почти в упор, в лицо друг другу...

Ренки все это время находился на мостике, понимая, что ему нельзя сейчас лезть в первые ряды штурмующих. Он пытался было как-то руководить атакой со своего места, но его просто не слышали, да и солдаты с матросами и без ценных указаний капитана знали, что им надо делать сейчас. Вот только упорное сопротивление врага не позволяло в полной мере реализовать эти знания.

В конце концов Ренки не выдержал, бросился в свою каюту и сорвал со стены любимый длинноствольный мушкет. Заряжал почти на бегу, насколько это возможно. Прицелился. Выстрел! Человек на капитанском мостике вражеского фрегата, отдававший какие-то приказы своим матросам, схватился за бок и начал заваливаться на палубу.

Зарядить. Прицелиться. Выстрел. Еще один кредонский офицер падает замертво. А чужая мушкетная пуля с противным свистом проносится возле уха Ренки и втыкается в палубу.

Быстрый взгляд вверх. На марсе сидит стрелок. Но тратить на него заряд Ренки не стал. И вот уже колоритный моряк с цветастым платком на голове, взявший на себя командование абордажниками, валится замертво, а его платок окрашивается в единый цвет – красный.

Только после четвертого выстрела, не найдя больше достойных мишеней, Ренки уделил свое внимание стрелку на марсе, уже дважды пытавшемуся достать капитана «Счастливого». Обе попытки были неудачными. Ренки еще помнил, как неудобно стрелять сверху вниз, а уж тем более – заряжать мушкет, сидя на крохотной качающейся площадке, будто ворона в гнезде. После очередного своего выстрела благородный оу убедился, что стрелять снизу вверх, стоя на качающейся палубе, тоже не очень-то удобно. Это был его первый промах за день.

Впрочем, враг дрогнул. Может, повлияла стрельба Ренки или абордажная команда «Счастливого» смогла усилить напор, но первый ручеек штурмующих смог перетечь на чужую палубу, отвоевав для себя крохотный плацдарм.

Просто так оставить этого Ренки не мог и, растолкав строй собственных солдат, тоже ринулся в бой.

Снова это упоительное чувство полного слияния и даже подчинения собственной воли воле своего оружия! Годы тренировок, бочки пролитого пота – все это концентрируется в нескольких минутах рукопашного боя. Движения точны и стремительны, голова пуста, но соображает мгновенно, а зрение, слух и даже осязание подчинены одной задаче: все видеть, все замечать и успевать реагировать.

Вот противник – видно, опытный вояка, его сабля так и мелькает перед глазами. А вот сбоку появляется жало штыка. Маленький поворот корпуса – и штык проходит впритирку к телу, едва не порвав одежду. Противник на долю секунды раскрывается, освобождая проход для острия шпаги. Укол. Шаг вперед – и снова укол. Отвести эфесом пику и, скользя вперед, рубануть по руке, ее держащей. Отбить в сторону древко, мешая очередному врагу добраться до себя, и на долю мгновения погрузить свое оружие во вражеское горло. Еще один шаг вперед. Пара десятков подобных шажков – и враг будет разбит.

– Хорошая была драка... Что скажешь, Йоовик? – Ренки сделал еще глоток и передал флягу своему старому сержанту.

– Сдается мне, ваша милость, что я становлюсь староват для таких забав, – устало ответил тот, так же сделав несколько глотков и передавая трофейную флягу с вином дальше. – Что-то жарковато сегодня было...

– Когда, старина, ты получишь свою часть призовых денежек за этого красавца, – усмехнулся в ответ Ренки, – молодость к тебе сразу вернется, – а потом подумал и чуть ревниво добавил: – А помнишь, там, на проклятом Зарданском плоскогорье, когда мы двумя полками надрали задницу всей кредонской армии и удирали к своим войскам... Неужто там было проще?

– Там был суший ад, – заверил его сержант Йоовик. – Я тогда раз десять за день всерьез успел с жизнью распрощаться. Но и тут... Потери, ваша милость, весьма немаленькие. Но я подозреваю, что вы на этом не остановитесь и нас сегодня ждет еще одна такая же драка, а может быть, и не одна!

Сержант был прав. Сидеть на канатной бухте посреди залитой кровью палубы, болтая со стариной Йоовиком в окружении других фааркоонских егерей, почтительно внимающих беседе двух ветеранов, было демонски приятно. Но бой еще не кончился. Еще вовсю гремели пушки, носились ядра над морем, с грохотом сталкивались корабли, и волны абордажных атак наваливались друг на друга. Долг обязывал встать и снова вести свой корабль в бой.

– Да, былые времена... – продолжил сержант. – Только слышал я, будто наш Шестой Гренадерский уже не тот. После того как полковник и лейтенант Бид пошли вверх, порядки там сильно изменились, да и бывших ветеранов почти не осталось. Прошу покорно простить, ваша милость, но и вашу знаменитую компанию я что-то давненько не видал в одном строю. Как там они поживают, позвольте узнать, не сочтите за дерзость?

– Хм... Надо будет как-нибудь пригласить тебя к себе, – улыбнувшись, ответил на это Ренки, мельком оглядев почтительно вытянувшиеся физиономии новичков, удивленных такой дружеской беседой между простым сержантом и своим командиром. Впрочем, сегодня Ренкишний раз подтвердил свою репутацию великого героя, так что это несколько не могло умалить его авторитет. – А что, присвою тебе третьего лейтенанта и... Чего, не хочешь? Ну ладно. Однако все равно как-нибудь позову тебя отобедать в нашей компании, как в былые времена. Еще не забыл? Ну, про Доода, думаю, ты и сам знаешь, вы ведь приятели. Дроут с Таагаем сейчас за Фааркооном приглядывают, чтобы не растащили там все в наше отсутствие. Киншаа остался на Литруге. В форте нам нужен человек, которому можно верить безоговорочно. А Гаарз... Гаарз в нашей столице присматривает кое за чем. Все они рвались в битву, но кому-то надо и обоз охранять. Верно?

– Вам виднее, ваша милость, – согласно кивнул Йоовик.

– Ну раз так, то моя милость считает, что пора поднимать задницы и устроить кредонцам еще одну нахлобучку. Кстати, генерал оу Дезгоот и майор оу Бид сейчас тоже где-то здесь, наверняка дерутся на одном из этих кораблей. Так что не посраим память Шестого Гренадерского перед ними! Шкипер Лоон, мы еще способы пройти версту-другую? Тогда почему бы нам не двинуться дальше и не найти себе подходящую добычу? Грохот пушек на севере внушает определенные надежды.

Какое-то время они шли, не встречая достойного врага. Кредонские корабли, мимо которых они проходили, либо пребывали в слишком плачевном состоянии, чтобы брать их на бордаж, либо там уже шла драка, лезть в которую постороннему не имело смысла. А на парочке встреченных вражеских судов на мачтах уже реяли тоореданские флаги, отмечая очередную победу над республикой.

Но по мере приближения к флангам, где противостояние было еще весьма сильным, обстановка менялась. Впоследствии Ренки и сам не смог бы сказать, что подтолкнуло его тогда вмешаться и направить «Счастливый» именно к этому участку сражения. Вероятнее всего, достаточно большое скопление кораблей, повествующее о том, что битва здесь приняла особенно ожесточенный характер.

О подобных моментах даже в рапортах о самых крупных сражениях упоминают особо. Целых пять кораблей образовали своеобразную связку. Три кредонца, мооскаавский корабль и тоореданский фрегат. Этакое многослойное лакомство какого-то ненасытного бога войны! Ренки даже забрался на оставшуюся целой фок-мачту, чтобы прояснить для себя диспозицию и расположение разных сил. Удалось ему это не очень хорошо.

– Там у них тоже все слоями! – прокомментировал он своим офицерам, спустившись. – Кредонские мундиры вперемешку с нашими. А мооскаавцы, кажется, вообще не по форме, кто во что горазд. По краям этого бутерброда – кредонцы. И кажется, им удалось оттеснить наших и мооскаавцев куда-то к центру. Так что, шкипер, можете подвести нас к любому подходящему, с вашей точки зрения, борту. Пробивать дорогу картечью на этот раз не будем – большой риск задеть своих. А дальше как обычно – захватываем мостик и бак, чистим деки и трюмы и идем дальше. Уверен, это будет славная битва!

Возможно, кредонцы и сумели вовремя заметить появившегося из клубов дыма нового игрока, но вот отреагировать уже не успевали. Их мушкеты были давно разряжены, а большинство матросов столь плотно увязло в противостоянии, что просто не имели физической возможности повернуться к своим нынешним противникам спиной, чтобы встретить новых.

Так что поначалу команде Ренки сопутствовала удача. Они смогли без всяких потерь высадиться на вражескую палубу, занять капитанский мостик и оттуда мушкетными залпами расчистить палубу от остатков вражеской команды.

Увы, но к их следующему шагу враг уже был готов, и их попытка перейти на второй корабль встретила решительный отпор.

Ренки в это время опять находился на мостике захваченного фрегата. Лезть в первые ряды во время такого противостояния не имело смысла, собственные солдаты его бы туда не пустили, так что пока он воспользовался возможностью оглядеться. Суда стояли, соприкоснувшись левыми бортами, и Ренки заметил, что напротив него, на баке корабля, все еще идет какое-то сопротивление. Судя по всему, горстка мооскаавцев пыталась отбиваться, едва ли не вытесненная на самый бушприт.

А еще он заметил канат. Канат, свисающий с наклонившейся мачты чужого корабля и застывший в полусажени от перил мостика, на котором он стоял. Однажды Ренки уже воспользовался почти таким же канатом.

– Вздвигай, стоп. Матросы, ко мне! – рявкнул он во всю глотку. – Оружие – сабли, пистолеты. За мной!

Ударом ноги сломав остатки перил на мостике, он разбежался, прыгнул и, ухватившись за канат, перелетел на вражеское судно. Выстрел из пистолета снес ближайшего противника, а дальше – привычные шпага и кинжал.

Драка была жаркой, но и мооскаавцы, видя, что к ним пришла подмога, удвоили усилия и вскоре смогли очистить достаточно большое пространство, на которое немедленно, уже не только по канату, но и по перекинутой доске, начали прибывать тоореданские моряки, тут же бросаясь в бой.

– Ого! – воскликнул Ренки, когда решил, воспользовавшись передышкой, пообщаться с предводителем союзников и внезапно увидел перед собой знакомое лицо. Усталое, покрытое толстой маской из порохового нагара и пота, но тем не менее легко узнаваемое. – Неудивительно, что эти кредонцы так и не смогли полностью захватить ваше судно. Однако, маэстро Лии, разве в нашу прошлую встречу вы не говорили, будто решили оставить подвиги и приключения молодым?

– Что ж, сударь, ваша ирония вполне уместна, – усмехнулся в ответ старый вояка, пожимая протянутую Ренки руку. – Не усидел старый бодливый козел в теплом хлеву! Когда эти паршивцы, мои студенты, загорелись жадой подвигов и записались в абордажную команду свободного капера, старый Гуус Лии не смог противостоять соблазну. О чем, впрочем,нисколько не жалею. Ибо посмотрите вокруг! Я бы проклял сам себя, если бы упустил возможность поучаствовать в подобной битве. А уж встреча с вами... Лет сто назад это стало бы темой для хорошей баллады.

– Ну, я знаю кое-кого, кто за пару десятков звонких монет и сейчас напишет балладу на любую тему, – весело улыбаясь, откликнулся Ренки. – Или, может, среди ваших учеников есть кто-то с факультета стихосложения?

– Может, и есть, но я бы не доверил этим шалопаем столь серьезную задачу, как воспевание подвигов. Нынешняя молодежь, кажется, полностью утратила способность преклоняться перед былыми авторитетами. Такого насочиняет... Кстати, парочка этих шалопаев – ваши хорошие знакомые. Будем надеяться, что они еще живы. Однако, сударь, что вы предполагаете делать дальше?

– Думаю, будет уместным продемонстрировать вам выучку фааркоонских егерей и матросов. Впрочем, вы уже можете наблюдать за ними. Согласитесь: мои парни умеют драться!

– И весьма неплохо. Однако, думаю, и нам стоит к ним присоединиться!

Две знаменитейшие шпаги вышли вперед, на острие клина, теснящего кредонских моряков. Чтобы остановить их напор, наверное, понадобился бы заряд картечи в упор, но у защищавшихся даже пистолеты были разряжены в результате долгой битвы.

А вдохновленные тоореданцы и мооскаавцы, с восторгом выкрикивающие имена знаменитых героев (оу Ренки Дарээка также с некоторых пор считался в Старой Мооскаа фигу-

рой легендарной), лишь удвоили свой напор и с видимой легкостью опрокинули вражеские заслоны. Еще несколько минут – и мооскаавкий капер был полностью освобожден от захватчиков. Но и это еще не было концом битвы. Впереди ждали еще три корабля, три залитые кровью палубы, каждый шаг по которым должен был сопровождаться чьей-то смертью. Холодная убийственная сталь и смертоносный свинец – все то, что так любят воспевать поэты, наблюдая за дракой со стороны.

Глава 3

И вот наступил тот самый момент, когда поток боевой ярости уходит и вместо него появляется жуткая усталость и боль.

Болят мелкие раны и синяки, натруженные мышцы, кости и даже, кажется, волосы и ногти... А невыносимая усталость свинцовой рубашкой гнет тебя к земле и скручивает мышцы судорогами, от которых хочется скулить и биться головой о палубу.

Но все это – знаки большой удачи! Ибо вокруг лежат те, чьи раны гораздо серьезней, а боль – в десятки раз мучительней. Или – что еще хуже – те, кто уже ничего не чувствует и больше не почувствует никогда.

И как бы тебе ни было тяжело, как бы ни была мучительна сама мысль о том, что нужно подняться и начать двигаться, твой долг – встать и оказать помощь тому, кто в ней нуждается. И уж тем более громок зов этого долга для того, кто называет себя вождем.

Да, когда угар битвы проходит и восторг от осознания собственной победы и того факта, что ты еще жив, утихает, наступает время определить цену этой победы. Подсчитать убитых, позаботиться о раненых и (это самое страшное) узнать судьбу своих друзей и товарищей. Кто из тех, с кем всего несколько часов назад ты дружески общался, сумел пережить битву, а кто навсегда ушел из твоей жизни, оставшись только в воспоминаниях.

– Я оу Ренки Дарээка! – взбравшись на мостик, громко, насколько хватало сил в обожженных порохом глотке и легких, заявил Ренки. – Военный вождь берега, полковник фааркоонских егерей, капитан фрегата «Счастливый». Временно беру на себя командование всеми солдатами Тооредана и мооскаавскими каперами. Кто-нибудь желает это оспорить? Нет? Тогда те, кто еще может шевелиться, – встать. Если вы считаете, что ваши раны – лишь ничтожные царапины, найдите своих сержантов и оставайтесь возле них. Если полагаете свою рану достаточно серьезной, пройдите вон туда. На борту «Счастливого» есть довольно хороший лекарь. Если тут есть те, кто владеет лекарским искусством, временно поступаете в его подчинение. И мне плевать, кто в каком университете учился, кто старше, а кто младше. Сейчас вами будет командовать мой человек. Он также будет вправе взять себе в помощь любого, кто не является офицером. Наш долг – позаботиться о раненых, так что слушаемся лекаря. Офицерам – подойти ко мне. Сержанты и мичманы, собрать свои капральства. Доукомплектовать их людьми, оставшимися без командиров. Солдаты отделяют легкораненых от тех, у кого раны тяжелые. Моряки, позаботьтесь о кораблях, чтобы нам не пришлось барахтаться в воде. После того как каждый раненый будет осмотрен, тела героев – ибо все, кто сегодня погиб в этом сражении, без сомнения, герои – мы предадим волнам! Мы славно дрались сегодня. Так сделаем свою победу более полной, сумев спасти как можно больше людей и сохранить трофеи!

Ренки оказался самым старшим по званию среди выживших офицеров. Правда, был еще капитан корабля мооскаавских каперов, но он схлопотал в грудь две картечины из фальконета, так что сейчас ему было не до командования. Лекари, как обычно они любят это делать в подобных случаях, спихнули ответственность за жизнь этого человека на богов.

В общем, весь груз забот о немалом количестве солдат и моряков лег на плечи Ренки.

А еще важный момент – распределение добычи. Тут тоже было необходимо сразу обозначить некие границы во избежание скандалов и новых драк. Ибо кое-кто уже, добывая, к примеру, кредонских раненых, попутно не забывал обшаривать их карманы. Да и «свои» убитые едва ли могли избежать подобной участи – мертвым деньги уже не нужны. Но вот их товарищам...

– Маэстро Лии, – обратился Ренки к своему недавнему напарнику по решительной атаке на врага. – Поскольку кредонцы так и не сумели выбить вас с вашего корабля, он не может считаться нашей добычей. Полагаю, вам стоит отрядить человек пять, которые проследят за сохранностью казны и груза. Да и за корабельным имуществом стоит присмотреть, хорошему боцману только дай волю – он невзначай умыкнет с чужого корабля не только канатные бухты, но и якоря с мачтами. Также, хоть мне и не пристало советовать столь опытному воину, как вы, настоятельно рекомендую осмотреть нижние палубы и трюмы на предмет возгораний. День сегодня был жарким, стреляли много, одна искра – и... Будет обидно искупаться в морской воде из-за собственной небрежности после того, как выигран такой бой. Вам, лейтенант оу Вогшаа, стоит сделать то же самое в отношении королевского фрегата, на котором вы служите, и остальных захваченных кораблей. Можете взять под свою руку человек пятнадцать – двадцать. Лучше моряков, у них больше опыта в подобных делах. А вы, второй лейтенант оу Ригнии, – обратился он к довольно пожилому офицеру в форме морского пехотинца, – берете под свое командование дюжину морских пехотинцев и следите за порядком. Любые драки и споры необходимо пресекать быстро и безжалостно, но на мелкую мародерку стоит прикрыть глаза – ребята заслужили и могут немножко набить свой карман, а покойникам монеты уже не понадобятся.

Надо было распределить людей и поставить ответственных за ремонт кораблей, заботу о раненых, очистку палуб от трупов, а также назначить наряд на кухню, ибо и сам Ренки, и его люди не ели с самого раннего утра, а солнце этого бесконечного дня давно уже стояло в зените, и в сохранивших свою целостность животах изрядно бурчало. В общем, навалилось множество важных дел и появилось огромное количество мелочей, которые надо держать в голове, чтобы успешно подвести итоги победы. И лишь в самом конце Ренки заговорил о добыче.

– У нас – три кредонских фрегата. И три команды, которые могут претендовать на добычу. Да-да, судари, – усмехнувшись, обратился он к тоореданским офицерам. – Формально я хоть и служу нашему королю, – Ренки как бы невзначай дотронулся до своего погона, на котором красовались знаки доблести, – но являюсь в какой-то мере суверенным правителем, а мои люди – моей дружиной, которую я содержу на свои средства. И, опять же формально, строго соблюдая законы войны, я вправе претендовать не только на три кредонских корабля, но даже и на ваш, ибо вы так и не смогли удержать его, и кредонцы успели спустить королевский флаг и поднять на вашей мачте свою поганую тряпку. Я ни в коей мере не упрекаю вас – битва была действительно жаркой, противник имел существенный перевес сил, и ваши потери говорят о том, что дрались вы достойно. И естественно, я не стану претендовать на сам фрегат. Пусть я и суверенный правитель, однако все-таки служу нашему королю. Но говорю я вам все это только для того, чтобы заранее пресечь все споры из-за добычи. Ее буду распределять я, и несогласные могут подавиться своим недовольством. Впрочем, скажу заранее: я планирую выделить хорошую долю нашим мооскаавским союзникам, ибо они действительно заслужили ее. А остальное... Один фрегат захватила полностью моя команда. Судьбу двух других предоставим решать адмиралу. На этом все. А теперь – за работу!

Только спустя пару часов на шести сбитых в единую связку кораблях был наведен какой-то порядок, и они смогли расцепиться. Впрочем, из-за больших потерь моряков на все суда не хватало, так что только один пленный кредонец двигался под собственными парусами, а два других пришлось брать на буксир.

За время битвы и ремонта корабли заметно снесло на юго-восток, так что путь к основным силам тоореданского флота занял какое-то время. И, двигаясь по местам, где шли бои, победители смогли воочию оценить, сколь дорогой ценой досталась им победа.

Это было жуткое зрелище. Даже постоянный западный ветер не мог отнести в сторону клубы дыма, стелющиеся над водой, потому что многие корабли, подвергшиеся ударам бомбических орудий, все еще продолжали гореть. От иных остались только верхушки мачт, едва выглядывающие из-под воды. Один корабль, встретившийся им на пути, перевернулся и плавал сверху брюхом подобно какому-то огромному неведомому морскому чудовищу. Некоторые суда напоминали корабли-призраки. Молча и одиноко плыли они по волнам, а их палубы были завалены трупами.

Но на иных еще кипела жизнь. Кое-где даже, кажется, продолжали сражаться, а может, уже начали делить добычу. Далеко на севере еще слышались редкие пушечные залпы, но было абсолютно непонятно, кто и в кого там стреляет.

– Два румба на запад, вижу «Громовержец». – Шкипер Лоон, как всегда, оказался самым внимательным.

Несмотря на меланхолический нрав, в прошлой рукопашной он показал себя весьма умелым бойцом, но сейчас восседал на мостике на специально принесенном для него из каюты стуле, ибо бедро его было проколото пикой и замотано бинтами, а сам он насилу сумел сбежать от лекарей, уверяя их, что, занимаясь своими прямыми обязанностями, сможет поправиться гораздо быстрее.

– Правьте туда, – просто сказал Ренки, не усложняя себе жизнь морской терминологией, коей так любил блистать еще совсем недавно. – Хм... Похоже, ему тоже изрядно досталось! – продолжил он, внимательно взглядевшись в силуэт большого линейного корабля.

– Снесло бизань, – подтвердил Лоон. – Бушприт и бак словно кракен отгрыз. А уж дырок в бортах... Кажется, они подают нам какие-то сигналы. «Капитану «Счастливого» явиться к адмиралу». Боюсь, сударь, это будет немного затруднительно. Все наши шлюпки разбиты в щепки.

– Тогда постарайтесь подойти как можно ближе, – приказал Ренки, настороженно рассматривая в подзорную трубу приближающийся огромный корабль. – Признаться, я несколько беспокоюсь за оу Готора. Да и адмирал... Надеюсь, с ним все в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.